

Прощальная гастроль

Автор:

Мария Метлицкая

Прощальная гастроль

Мария Метлицкая

Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет

Что самое трудное? Не знаете? Я вам скажу. Самое трудное – научиться прощать.

Как часто сгоряча мы клянемся никогда не забыть, не простить, не разговаривать, вычеркнуть из жизни. Что нами движет? Обида? Да, но она со временем улетучивается. Бывает, что даже и не помнишь, из-за чего произошла ссора. А ведь тогда, давно, казалось, что повод очень важный.

Что же мешает простить? Сделать шаг? Гордость, а чаще – гордыня.

Герои повестей, собранных под этой обложкой, все-таки понимают, что простить и понять, побороть гордыню, ревность – очень важно. Главное – вовремя это сделать.

Мария Метлицкая

Прощальная гастроль

© Метлицкая М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Фиалки на десерт

Такого Таня не ожидала. И даже похожего не ожидала.

Удивилась? Да не то слово! Обалдела просто. Замерла, превратившись в соляной столб. Потому что то, что случилось, было ужасно.

Потом взяла себя в руки, разумеется. Жизненный опыт, он ведь всегда спасет. И улыбочку жалкую выдавила, и глазки «настроила», и ручками всплеснула. И почти елеиным голосом проговорила:

– Ах, как приятно!

Приятно не было нисколько.

– Ну проходите, конечно! Плащик на вешалку, да-да, сюда. Оторвалась вешалка? Да не беспокойтесь! А сапожки? Нет? У вас так не принято? Да бог с ними, с сапожками! Ну раз не принято! Конечно же, проходите и так! Да ерунда какая, что дождь на дворе!

Чуть не предложила бахилы – остались после маминой больницы. Слава богу, вовремя одумалась. А она и не думала беспокоиться, эта... мадемуазель.

И ботинки снимать не подумала – глянула на Таню как на врага. И сынок, кровинушка, тоже глянул... Просто прожег взглядом, словно огнем. Чуть не спалил! Куртец свой она небрежно бросила на стул в прихожей. Вешалки в Париже, видимо, не приняты. Как и тапки. Тане показалось, что она хотела швырнуть куртку на пол. Впрочем, такую и не жалко!

Протопала в комнату в своих говнодавах. На полу следы – черная мутная вода. Таня чуть не застонала – грязь она не выносила патологически. Просто пунтик какой-то.

А на улице даже не дождь, а наш родимый, российский ноябрьский кошмар: черный снег, перемешанный с дождем и реагентами. Ах да! Там у них, в «заграницах», обувь в гостях не снимают. Не принято! В чужие тапки влезать тоже не принято – не гигиенично! Лучше так, по ковру...

А разве у них такая грязь, как у нас, – жирная, мерзкая, мокрая и химическая?

Таня словно зачарованная смотрела, как она чапает по ковру.

Ковер был старый, еще бабулин, оттого и дорогой, любимый. Хороший ковер – не пошлый. Без золотисто-зеленых и красных вензелей, «огурцов» и завитушек, бежевый, светлый. Бабушка Оля тащила его на себе из Прибалтики.

«Я ее уже... ненавижу!» – подумала Таня, чувствуя, как закипают слезы.

Мамзель вошла в комнату, огляделась и со звуком подтащила к себе стул. Села. Нет, не так. Шмякнулась, плюхнулась на стул. Стул скрипнул. Еще бы! Она была крупной. Прилично крупной, заметим. И даже очень прилично! Метр восемьдесят, не меньше. Тане казалось, что все француженки непременно худенькие, невысокие и изящные – такой вот образ создался в ее воображении. Например, актрисы – Мишель Мерсье или Милен Демонжо. Ну или Анни Жирардо.

Это же была скорее дочь финского лесоруба или шахтера из Силезии. Широкоплечая, крупнорукая, крупногрудая. Всего в ней было с избытком.

Таня, мелкая от рождения, так и недобравшая росту и не догнавшая своих одноклассниц, рядом с мамзель казалась Дюймовочкой.

А как же французский, многократно описанный шарм? Тонкий вкус, изысканная и недешевая скромность? Где это все?

Лицо у мамзель было широкое, скуластое и – незначительное. Нет, здесь речь совсем не о красоте! Лицо было невнятным, смазанным, что ли. Пройдешь и не вспомнишь, что знакомы.

Конечно, совсем не покрашена. Таню такие женщины смущали. Что это? Уверенность в своей неотразимости, в своей природной красоте? Ну, знаете ли! Слишком смело. Любой женщине макияж не помешает – хоть капельку, хоть чуть-чуть. Те, кто совсем не пользовался косметикой, вводили Таню в изумление – надо же, какая уверенность в своих чарах! Она сама была не из «злоупотребляющих». Но все же... А мамзель? Та игнорировала – и демонстративно! Словно хотела сказать – да мне наплевать! На всех наплевать. И в том числе – на тебя, дорогая будущая свекровь! Мне все равно, что ты подумаешь обо мне.

«Ладно, что я придираюсь, – подумала Таня. – А вдруг у нее аллергия?»

Она хотела быть доброжелательной. Очень хотела, честно! Однако выдать из себя комплимент не получалось – никогда не умела кривить душой. И тут же вспомнила – лишь бы человек был хороший, а?

Хороший (предположительно) человек, не спросив разрешения, закурил.

Сынок заметался в поисках пепельницы. Пепельницы в некурящем доме не было. Он вытянул из серванта кофейную чашечку и поставил на стол.

Таня вздрогнула. Чашечка из подаренного когда-то сервиза была хрупкой, полупрозрачной и нежной – японский фарфор. Казалось, что наглости этой изящная вещица просто не вынесет и треснет – так неуважительно с ней еще не обращались.

«Чашечка-то выдержит, – мелькнуло у Тани. – А вот я...»

Да ладно – ничего не случилось, подумаешь, чашечка!

Она мотнула головой и натянула улыбку.

– Ну, дети мои! Давайте за стол?

Митька кивнул и тут же глянул на мамзель. Та пожала плечом и чуть сдвинула брови.

Таня вздохнула и стала накрывать на стол. Парадная скатерть, парадный сервиз. Метнулась на кухню – в холодильнике томились плоды ее усилий, все как положено: салат оливье (а он, этот мусью, был, между прочим, француз! Земляк, так сказать). Блюдо с «мимозой» – Митька этот салат обожал. Селедка, убранная красным лучком, и ее вечная спутница, отварная картошка, ожидавшая своего часа, укутанная в два одеяла. Ну и по мелочи – нарезка, солености. В духовке томилась утка – любимая еда французов, не так ли? Толстая, даже жирненькая, с антоновкой в брюшке. По кухне плыл аромат.

Внося яства в комнату, Таня взглянула на ковер: два бурых пятна уже подсыхали.

Митька, сияя, открывал бутылку вина.

Мамзель сидела с каменным лицом – ни улыбки, ни жеста... ничего.

Таня приподняла плошку с салатом – вам... положить?

На лице мамзель появилась гримаса.

– Здесь – май-о-нез? Нет, спасибо. Не ем.

Таня вздрогнула и посмотрела на сына. Митька отвел глаза.

Она снова почувствовала, как подступают слезы. Только бы... только бы сдержаться! Не разреветься бы только! Да хрен с ней! Не жрет майонез, можно подумать! Прямо такая поборница здорового образа жизни! Смешно. Те выглядят по-другому – уж не такие коровы, как ты, милочка!

Так, стоп! Может быть, дело не в этом? Может быть, у человека со здоровьем проблемы? Или просто не любит? И такое бывает. Успокойтесь, Татьяна Евгеньевна! И на свой счет не берите – тоже мне, гимназистка, ей-богу! Чуть что – сразу в слезы. Да пусть не ест, черт с ней! Нам больше достанется.

Мадемуазель отказалась и от «мимозы» – снова гримаса.

А этот... жених... Изумленно моргнув, Митька удивился:

– Ой, Женевьев! Это так вкусно! Попробуй!

Мамзель вздохнула. Вздохнула так, словно они, эти странные люди, эта странная мамаша с ее чудаковатым сынком, достали ее окончательно.

Митька бросил на невесту осторожный и, как показалось Тане, испуганный взгляд.

– Ну что? – делано улыбнулась Таня. – За любовь? – И подняла бокал.

Митька радостно кивнул. Мамзель снова вздохнула.

Вино ей не понравилось. Как же, француженка! Конечно, она разбирается! А вот Таня не очень; ориентировалась на цену – чтобы не совсем уж дешево, но и не запредельно дорого.

А потом была утка.

– Французы ведь любят утку? – кокетливо спросила Таня.

Ну и получила:

– Французы – наверное. Но, полагаю, не все. У вас же не все любят борщ! Или сало?

– Значит, вы утку не любите? – уточнила Таня.

– Я к ней равнодушна, – спокойно ответила та.

«Ты еще и отвратительно воспитана», – хотелось добавить Тане. Смолчала, конечно. Куда денешься – выбор сына. Вот так. Сиди и молчи! На ус наматывай – что любит невестка, а от чего носик воротит.

– За что пьем? – уточнила Таня, посмотрев на Митю. – За вас?

Тот оживился, блеснул глазами и глянул на мамзель, словно ища одобрения.

Таня внимательно следила за сыном – ну с ним все понятно. Выводы сделаны. Сын ускользал. Уплывал, растворялся в неизвестной пугающей дали. Собственно, его уже и не было, ее сына, – напротив нее сидел почти незнакомый мужик. Готовый разлюбить «мимозу», грузинское вино, а заодно и ее, свою мать.

Разговор, конечно, не клеился. «Выжимали» для приличия – погода, премьера в Ленкоме, новая выставка в Третьяковке. Ничего личного, как говорится. Сухо, банально и официально. Слово встретились малознакомые люди. Встретились и вот-вот разойдутся. И не будут друг по другу скучать.

Совсем не так все это Таня себе представляла... Она вообще все это не так представляла!

А как? Да пожалуйста, все очень просто! Придет сын с невестой. Разумеется, принесут цветы, торт или конфеты – так положено, принято, заведено. Так она Митьку воспитывала. Думала – воспитала. Ага!

Пришли безо всего – она удивилась, но снова «сделала вид». Да все нормально! На улице дождь – не успели. В конце концов, они же «свои». Мама поймет и не осудит. И не обидится – мама есть мама!

Таня пыталась понять и не осудить. И не обидеться – тоже пыталась. В конце концов, собственное дитя всегда оправдаешь! Ну или попытаешься...

Вот, попыталась...

Ладно. Кто виноват? Значит, сама. Недодала, не объяснила, недоглядела.

– Может, обсудим свадьбу? – робко спросила Таня. – Событие все-таки... – с большим, надо сказать, сомнением добавила она.

– А что обсуждать? – Митька занервничал. – Денег нет, мам. Какая свадьба? Так, распишемся и сразу уедем в Париж. Вот и вся свадьба.

Таня разнервничалась:

– Нет, я все понимаю! Как говорится, не до грибов! Денег и вправду совсем нет! И все-таки, Митя! – Она намеренно обратилась только к сыну – вот ведь вредный народ мы, бабы! – А бабушка с дедом? А твои друзья, Сережка и Лешка? Со школы ведь вместе! Как не отметить? А тетя Света, наконец?

– Мам! – Митька покраснел. – Ну говорили же! Никаких там торжеств, никаких ресторанов! Глупость все это и бред! Кому это надо? Лично нам... вот совсем ни к чему!

Так, держи себя в руках, дорогая! Спокойнее, слышишь? Это ведь их жизнь, правда? Ты здесь немножечко... сбоку! Рядом, но сбоку, так? Взрослые люди – и их право решать!

Честно говоря, Таня и сама ненавидела пышные свадебные сборища, всех этих пупсов на машинах, шелковые ленты, искусственные «кладбищенские» цветы на длиннющих и пафосных лимузинах. Дурацкие платья с ярусами, рюши, атлас, накрученные нелепые прически, стоящие немислимых денег. Тоска... Кабаки с подкисшими салатами (с майонезом, заметьте!) и откровенным воровством официантов. Пьяные гости и любопытные взгляды. Обсуждение молодых – в особенности невесты. К тому же... Кого здесь обсуждать? Мамзель Женевьеву? Она тут же представила свою подругу Светку, отца и маму: «Ох, Таня! Для кого мы растили нашего Митьку? Для нее? Для этой вот?»

«Соболезнуем, Танечка! Даром ведь что француженка! Наши девочки-то, а? Красотки! И нате вам, господи! И где он такое нашел?»

Да, хвастаться нечем...

На секунду она вообразила Женевьев на торжестве. Эта не наденет ни свадебное платье, ни парадные туфли. Прическу не сделает – наверняка. Так и явится в бутах своих, в майке-распустехе и дурацких, дурно сидящих штанах.

Нет, все правильно – свадьбы не надо.

И все-таки... Бабушка, дед – мама и отец. Сестра мамы тетя Маруся. Лучшая подруга Светка. Митькины друзья. Они, конечно, все удивятся. А старики и вовсе обидятся! И кстати, правильно сделают! Растили этого дурака, растили. И вот,

получите!

– А бабушка, дед? – хрипло повторила Таня. – Их тоже не позовете? Побоку? Они, между прочим... У нас же так принято, Митя! Есть же традиции, а?

Завелась.

– Мам! – Митька кхекнул и бегло глянул на невесту. – Ну мы же говорили тебе! Пре-ду-преж-дали!

Укорил. Упрекнул. Разозлился.

Она это видела – мать.

Мамзель снова закурила.

Таня резко встала со стула и рывком распахнула окно.

– Простите! Я совершенно не переношу табачного дыма! Вы уж меня извините!

Сигарету, надо заметить, мамзель не затушила. «Все, это конец, – подумала Таня. – Это не просто конец – это конец-конец! И нет у меня больше сына».

Хочешь – смирись. Не хочешь – повесься.

* * *

Они ушли, даже и не подумали остаться на ночь в родительском доме.
В Митькиной комнате.

Конечно же, в съемной квартире мамзель им будет лучше. Теплее, уютнее. Таня их не задерживала. Сухо кивнула:

– Всего наилучшего!

Мамзель, правда, сказала «спасибо».

- Да не за что! - бодро откликнулась Таня. - За что спасибо-то? Вы ж так ничего и не съели!

Митька торопливо зашнуровывал кроссовки, головы не поднимал. Косо мазнул по щеке:

- Mam, спасибо! Ну, мы рванули?

- Угу, - усмехнулась Таня. - Рванули! Штаны не порви, прыткий мой!

Сын сделал вид, что не расслышал.

Таня закрыла за ними дверь и опустилась на стул. Ей показалось, что из нее выкачали весь воздух. Ловила его ртом как рыба, а вздохнуть не могла.

Просидела, наверное, около часа, потом поднялась и поплелась в комнату - нужно убрать, а то будет тошно совсем. Утка застыла в жиру, как муха в варенье. Салаты подсохли, пожухли. Кисло пахло вином.

Она с ожесточением вываливала плоды своего труда в мусорное ведро. Все остатки, которые сладки. Вместе с почти нетронутой уткой. Приговаривая при этом:

- Ну и черт с вами! Ну и пожалуйста! Ну и идите вы... В ваши Парижи! Жрите там свои фуа-гра и лягушек! А нам и здесь хорошо! С кислой капустой и винегретом!

Бормотала, выкрикивала, а потом плюхнулась на табуретку и разревелась.

Вот она, жизнь, мать ее так. Растила сыночка, лелеяла. Пестовала детку свою, надежду, опору и гордость. Хотя чем особенно было гордиться? Обычный мальчик, середнячок. Это для мамы праздник и счастье.

Ревела, ревела...

Ну а потом успокоилась. Ничего, проживем! Без вас проживем, не помрем. Правда, верилось в это с трудом.

Легла в постель и позвонила Светке, и тут ее прорвало. Просто авария на плотине. Потому что всегда после этого становилось легче. А сейчас нужно было одно – чтобы стало полегче. Ну хоть чуть-чуть...

Светка орала:

– Да забей ты на них! Забей, поняла? Вырос птенчик – и тю-тю! Маме привет! Улетел! Сын – это гость. Квартирант и сосед! Ты поняла? Все, успокоилась и... – Светка выдохнула, замолчала и выпалила: – И занялась личной жизнью!

Ага, как же! Личной жизнью... смешно. Какая там личная жизнь в сорок два? А про сыновей-птенцов и соседей, про сыновей-квартирантов... Светке-то откуда знать? Лучшей подруге?

Таня хмыкнула про себя: «Все такие советчики! Ну даже смешно!»

Светка была бездетной. Говорит, не страдала – долю такую выбрала себе сама.

А от кого рожать-то? Правильно, не от кого! Все либо козлы, либо – козлищи!

– Да ладно, – вяло отбрехивалась Таня, – просто нам с тобой не везло!

Ну все, потрепались, и будет. Странно, что не помогло. Всегда становилось легче после этих самых разговоров, всегда отступало. Но – не сегодня. И не сейчас. Слишком больно, слишком обидно...

В горле тугой комок – разрастается, разбухает, как дрожжевое тесто в кастрюле. Даже дыхание перекрывает – так тяжело...

Нет, а как вот смириться? Был сын – и нет! Был маленький, крошечный мальчик – самый сладкий и самый любимый. Для которого всё – вся моя жизнь! Комочек родной. Теплый и вкусный. Шейка сзади, под мокрыми волосиками после сна, нежная, влажная. Уткнешься туда носом – и страшно тебе за все! За него, за

этого мальчика, за крошку свою. Знаешь ведь – жизнь штука сложная, вредная. Никого не пропустит. Значит, и ее мальчика? Тоже прижмет? Господи, не приведи! Умоляю – меня! Слышишь – меня! От него отведи! Отведи, умоляю! Все болезни, все страхи. Печали все, трудности. Все – на меня!

Страх душил по ночам – просыпалась в поту и подскакивала к кроватке: дышит? Господи, дура какая!

Все тут вспомнилось, все – и ночи бессонные, и болезни. И как свалилась со стула в больнице – три ночи без сна. Свалилась с таким грохотом! Стыд-то какой! Всех разбудила. А главное – перепугалась. Погонят сейчас! Выпрут, и Митька останется в боксе один. А персонал не дозовешься.

Ничего, обошлось! Вошла сонная и недовольная, вечно хмурая медсестра Тома.

– Чё тут у вас? Ну, ты даешь... – Зевнула широко и ушла.

Таня перевела дух – уф, не поперли! Славатегосподи!

Да все равно бы не ушла – вцепилась бы в ножки кровати и не ушла! А Митька тогда и не проснулся даже – такой был слабенький, сердце рвалось...

Не ел ничего. Совсем. Пару ложек компота – и все.

Спрашивала его:

– Ты что-нибудь хочешь, сынок? Ну, что-нибудь вкусненькое? Тортик, конфетку? Мороженое? Биг-мак твой дурацкий?

– Ничего, – мотал он головой. – Ни-че-го.

Ну, и у нее кусок в горло не лез – похудела тогда килограммов на десять. Из больницы вышли просто два узника – оба от ветра качались. Встречали тогда мама и Миша. Тогда был еще Миша...

Тогда долго ловили такси – Миша был «безлошадный». Машина и Миша – господи! И подумать-то страшно.

А потом, когда Митьке было шестнадцать, он снова попал в больницу.

Таня ночевала тогда у Светки, так было ближе навещать сына. После выписки их встречал Богомолов – что правда, то правда. Про хорошее мы тоже помним. Встречал. Она позвонила ему накануне – сможешь забрать?

Думал, правда довольно долго, но потом проговорил:

– Заберу.

Она положила трубку и подумала, что загадала: откажется – все, конец. Тут уж точно конец! И никаких объяснений!

Был у Тани один «страшный страх» – показаться навязчивой. Шло это издалека, из самого детства, – наверное, после развода родителей.

Те развелись, когда ей было десять. По ночам Таня слышала, как они ругаются – из их комнаты доносились приглушенные звуки скандала.

Правда, наутро все делали вид, что все хорошо, – мама кормила папу завтраком, а Таня опускала глаза – ей было неловко и стыдно, что среди ночи она просыпалась и прислушивалась к звукам, доносящимся из родительской спальни. Она считала, что вторгалась во что-то секретное, стыдное, куда ей, ребенку, был вход воспрещен.

Ей не хотелось смотреть в глаза родителям – было неловко. Неловко оттого, что она стала невольным свидетелем, что оказалась посвященной в проблемы взрослых, невольно втянута в их взрослые непонятные игры. А еще было мучительно, что ее родители скандалили и выясняли отношения и она вынуждена была скрывать, что все знает.

Отец, которого она обожала, ушел в одночасье – быстро собрал чемодан и был таков. Чемодан собирал при Тане, не очень-то обращая внимание на растерянную, испуганную девочку.

– Ты в командировку? – тихо спросила она.

Отец вздрогнул, резко обернулся и коротко бросил:

– Нет. Я насовсем.

Потом она думала: зачем? Зачем он сказал ей так? Можно было же, в конце концов, как-то смягчить!

– Насовсем? Почему насовсем? – закричала Таня. – Как это – насовсем? Ты что, уже не придешь? Вечером, после работы?

Отец медленно сел на стул, внимательно посмотрел на дочь и тихо ответил:

– Приду. Почему не приду? Но не насовсем, понимаешь? Я отсюда, Танюшка, уйду. Из этой квартиры. Жить буду у бабушки Оли. А ты будешь к нам приходить! Ты же любишь к ней приходить?

Таня молчала. Бабушку Олю, мать отца, она, конечно, любила. И приходить к ней на Песчаную тоже любила. И ее пирожки с капустой любила. И тяжелая скатерть с бархатной бахромой ей нравилась – она заплетала ее в косички. Но как это так? Что получается? Папа станет теперь всегда жить у бабушки Оли? Постоянно? И на Песчаную она будет приходить в гости не только к бабушке, но еще и к собственному папе? И его больше не будет здесь, в этой квартире? В квартире, где они жили вместе? Вместе сядились ужинать, смотреть телевизор, где папа читал ей любимые книжки? Где по утрам в воскресенье она вбегала в родительскую спальню и забиралась под одеяло – между мамой и папой, посередине.

Папа еще «досыпал», и она щекотала его за ухом – кончиком своей длинной косы. А он сначала недовольно морщился, пытался отвернуться, а потом открывал один глаз и с хитрым прищуром смотрел на дочь.

Теперь всего этого и вовсе не будет? Ужинов, завтраков, общих гостей, воскресений и праздников? Все этой привычной и радостной суеты?

И почему все это происходит без мамы? Почему он тревожно посматривает на часы и явно торопится?

Таня многого не понимала, а вот плохое чувствовала – это точно. Еще она почувствовала, что вот-вот расплчется, и почему-то бросилась в кухню, чтобы накрыть все для ужина.

Это была уже ее обязанность – тарелки, вилки и ложки, хлеб и солонка. Все остальное, конечно, делала мама.

Тарелка выскользнула из рук и с грохотом упала на пол.

Таня вздрогнула и заплакала.

А папа... Папа не вбежал на кухню, чтобы узнать, что произошло, не порезалась ли дочь и вообще – все ли в порядке. Папа крикнул из коридора:

– Танечка, я ухожу! Закрой дверь на цепочку!

Таня выскочила в коридор и закричала:

– А ужинать, папа? Я уже все приготовила!

Он махнул рукой, чмокнул дочь в щеку и вышел за дверь.

Оставшись одна, Таня села на низенькую табуреточку и снова заплакала. Так она и просидела в коридоре до самого прихода мамы с работы.

– Ушел? – усмехнулась мама и, кажется, не очень удивилась. – Что ж, этого и следовало ожидать.

Таня обрадовалась, что мама, похоже, не очень расстроилась. Может быть, все не так страшно? Ну, поживет папа у бабушки, да и вернется? Все ведь ругаются! Светка говорила, что ее родители вообще «орут до посинения»!

Спустя час Таня осторожно заглянула в мамину комнату – было странно, что она так долго оттуда не выходит. А как же ужин?

Обычно мама отдыхала минут пять, не больше. Скинет костюм или платье, снимет сережки и часики – и сразу на кухню, готовить ужин.

Мама лежала без света, в совсем темной комнате, одетая, поверх одеяла. Окно было раскрыто настежь, хотя на дворе стоял поздний сентябрь и было прохладно. И еще тоненько поскрипывали дверцы распахнутого шкафа – папа его не закрыл.

Перепуганная, Таня бросилась к маме и закричала:

– Мамочка, ты живая? Ты не мертвая, мамочка? Эй, просыпайся! Ну, пожалуйста, мама! Проснись!

У мамы были холодные руки. Холодные и чужие, не мамины.

Мама медленно открыла глаза и громко сглотнула.

– Господи, Таня! Ну что ты устроила? Конечно, живая! Просто устала и хочется спать.

Мама, конечно, врала – это Таня отлично понимала. Видела и мамины заплаканные глаза, и дрожащие руки. И в тот же вечер прибавились еще две разбитые тарелки – у мамы все валялось из рук.

– Ты... обиделась на него? – осторожно спросила Таня.

Почему-то слово «папа» тогда не произнеслось.

Мама хмыкнула и гордо вскинула голову:

– Вот еще! Чести много! Проживем как-нибудь, а, Танюх? – И, всхлипнув, отвернулась к плите.

К бабушке Оле Таня обычно ездила два раза в месяц. Уезжала в субботу, с ночевкой. Любила бабушкину высокую кровать с деревянной спинкой, большие и пышные подушки с кружевными, чуть пожелтевшими наволочками (бабушкино наследство).

«Эх, – говорила бабушка, – жаль, Таточка, не доживет эдакая красота до тебя! Истреплется вся! А такого белья уже и не делают! А вот перина, Татуля, твоя!» – и бабушка хвасталась легкой, воздушной периной на утином пуху.

Теперь Таня задумалась – и соскучилась она по бабушке, и поехать хочется. Но вдвоем с бабушкой они уже никогда не будут. А у них были свои секреты. Таня обожала, когда перед сном бабушка Оля рассказывала ей про свое детство, про свою жизнь. Про маленький городок на юге России, где прошло ее детство. Про каменный дом в два этажа: на первом – магазин головных уборов, собственность бабушкиных родителей. Шляпы и шляпки, цилиндры и боливары, боярки и кепки, канотье и капоры, клоши и котелки, токи и федоры, хомбурги и шапокляки – все это продавалось в этом чудесном магазине. И торговля, по словам бабушки Оли, шла замечательно. Жили в достатке – отдыхали на водах, имели свою пролетку, прислугу и бонну. «А потом все закончилось», – вздыхала бабушка Оля.

«Когда – потом?» – спрашивала Таня.

Бабушка вздыхала и махала рукой: «Когда рак на горе свистнул! Слыхала про это?»

Таня продолжала приставать: «Рак? А когда, ба? Нет, в каком году и какого числа?»

Бабушка сурово поджимала губы и дальше рассказывать не желала.

Иногда она рассказывала про свою первую любовь – мальчика Петю, кудрявого и талантливое. Пете прочили яркое будущее пианиста. Не вышло – он погиб в двадцать лет, в революцию. Неохотно бабушка рассказывала про свое замужество, про их с дедом Сергеем скромную свадьбу. «Винегрет и морковный чай, как тебе, а?» – смеялась бабушка, а Таня удивлялась: «А торт, ба? Ну как же – ведь свадьба».

Говорила и про войну, как было голодно и тяжело, просто ужас как тяжело. Из Москвы они не уехали – не захотели. Гасили по ночам зажигалки на крышах, а днем стояли у станков. Бабушка – на деревянном ящике под ногами: иначе до станка не доставала, маленького роста была бабушка Оля. Таня в нее.

В послевоенные годы тоже было несладко – карточки, карточки... И мука по карточкам, и даже толстые и серые макароны. Маленький сын и вдовство – дед с войны не вернулся. Потом она окончила техникум и получила специальность технолога по льно- и хлопкопрядению. Работала на камвольной фабрике, чтобы получить отдельную квартиру – жили-то в общежитии, не москвичи.

Бабушкина квартира казалась Тане только их вотчиной – бабушкиной и ее. А то, что теперь там будет жить папа, – это было как-то странно и чудно.

И еще ей казалось, что мама может обидеться. Но та сказала:

– Конечно же, поезжай! Бабушка ждет! А про все остальное не думай! Это все взрослые дела, дочка! И тебя они не касаются.

Глупые люди! Ах, какие же глупые люди! Глупые, странные взрослые.

Ее не касается? Ее, их родную дочь? Ну рассмешили!

К бабушке она ездила сама – мама доводила ее до метро, а там Таня все знала. У станции «Сокол» ее обычно встречала бабушка, и они шли медленно, пешком, заглядывая по дороге в магазины и непременно съедая мороженое.

В этот раз Таню встречал папа. Он был тоже смущен – в таких обстоятельствах они встречались впервые. В магазины, конечно, не заходили, а вот мороженое съели, не без этого.

Бабушка делала вид, что ничего не произошло. Расспрашивала Таню про школу, про подружек и учительницу. Сели обедать.

Таня осторожно оглядела бабушкину комнату и быстро поняла, что никакого папы тут нет! В смысле, что он тут не живет – не было ни зубной щетки в ванной, ни папиного одеколona. Тапочки – да, были. Но у бабушки его тапки были всегда. И еще папа очень смущался – на Таню старался не смотреть, по-дурацки острил и подхихикивал. Даже бабушка Оля смотрела на него с осуждением и качала головой.

После обеда папе позвонили, и он быстро куда-то собрался. Таня слышала, как в коридоре бабушка укорила его:

- Совсем спятил, Женя! Ну что там такого случилось? Пожар? Не может тебя подождать? Ты же дочку не видел неделю!

Но папа, что-то тихо, раздраженно ей ответив, все же ушел. Бабушка Оля, напустив на себя показушную бодрость, объявила Тане, что они идут в кино.

Таня отказалась. Впервые от такого удовольствия – кино она обожала! Почему-то ей стало грустно и очень обидно. И еще она сказала, что хочет домой, к маме.

- Ну, Таня, воля твоя! – сказала бабушка и, погладив внучку по голове, добавила: – Да ты не волнуйся, девочка! Все обойдется! И все к этому привыкнут. Взрослая жизнь – это такая нелегкая штука!

Таня заплакала. Ей совсем не нравилась такая «взрослая» жизнь.

* * *

Вскоре все выяснилось – папа жил с новой женой по имени Лиля. С Лилей Таня познакомилась спустя полтора года – на дне рождения бабушки Оли. Было видно, что бабушка недовольна новой невесткой, ей не нравится, что папа ее привел к ней на день рождения, – поджимала губы и покачивала головой. На папу она смотрела с укоризной, но папа, глупо хихикнув и подмигнув Тане, сказал:

- Мам, ну что ты! Танька – совсем большая девица! Скоро просватаем! А, Танюха?

Таня пожала плечом и отвернулась.

Лиля, новая папина жена, ей, честно говоря... понравилась.

Ничуть не хуже мамы, ей-богу! Ну, в смысле красоты и фигуры – Лиля была высокой и очень худой. С папой они были похожи, как брат и сестра. И еще Лиля была молодая. Совсем молодая – просто девчонка – и очень смешливая.

Рассказывала что-то и сама смеялась громче всех, откидывая назад красивую, пышноволосяную голову.

Бабушка Оля к новой жене сына относилась сдержанно – впрочем, и к прежней его жене, Таниной маме, тоже относилась весьма прохладно.

Лиля сразу, в первый же вечер, подружилась с Таней и стала приглашать ее в гости. Таня смущалась, отводила глаза и лепетала в ответ что-то невразумительное – про уроки, про музыкальную школу, про кружок рисования. Но упорная Лиля настояла – впереди были зимние каникулы, и они собрались на дачу.

Дача, по словам Лили, была «сногшибательная» – огромная, теплая, с двумя каминами и голландскими печками, чугунной ванной и густым хвойным лесом за окном. Таня подумала и согласилась. Бабушка Оля еле заметно вздохнула и качнула головой – было непонятно, рада она этому обстоятельству или не очень.

А вот мама, как ни странно, обрадовалась.

– На все каникулы? – переспросила она. – На десять дней? Так как же здорово, Танька! А я-то все голову ломаю: куда тебя деть?

Как это – «деть»? Вот еще новости! Тане стало обидно – словно ее пристраивали, как какую-то вещь.

Занятия закончились двадцать шестого декабря, и до отъезда оставалась почти неделя. Таня сидела дома одна и решала – стоит ли делать подарки новой родне? Папу почему-то она тоже причислила к новой родне – вместе с новой женой.

К Новому году, Двадцать третьему февраля и Восьмому марта она всегда делала подарки – разумеется, своими руками. Вышивала на пяльцах, делала аппликации, рисовала или выжигала зверей или цветы на фанерной дощечке.

Мама и бабушка Оля подарки хранили – мама в ящике комода, бабушка в коробке от обуви. Тане это было приятно.

Долго думала и решила – Лиле, папиной жене, она свяжет шарфик. Нашла в маминых закромах клубок синей шерсти и за три дня связала недлинный и узкий шарф. К краям привязала маленькие белые помпоны. Шарф она убрала в свой шкаф – ей показалось, что маме будет не очень приятно, что она так расстаралась для новой жены отца.

С папой было проще – выдумывать что-то особенное ей не хотелось, в глубине души жила на него обида. Купила открытку и подписала: «Дорогой папа! Желаю тебе здоровья и успехов в работе. Твоя дочь Таня Светлова».

А маме давно, месяца два назад, был куплен на сэкономленные от завтраков деньги маленький флакончик рижских духов. Подружка Светка Жукова уверяла, что духи замечательные.

Тридцатого с самого утра Таня была готова – в старую спортивную папину сумку сложила одежду, теплые носки из грубой, колючей шерсти, белье, зубную щетку и несколько книг. На дне сумки лежали синий шарфик с белыми помпонами и открытка. Таня сидела у себя в комнате и рисовала. Ждала папиного звонка.

Мама носилась по квартире, что-то мурлыкала себе под нос и, кажется, была совершенно не расстроена скорым отъездом дочки.

Тане это казалось немножечко странным. Она даже поинтересовалась:

– Мама, а ты не обиделась? Может быть, я никуда не поеду?

Зоя Андреевна слегка покраснела и слишком торопливо начала отговаривать Таню от подобной жертвы:

– Ну что ты, доченька! Ко мне придут тетя Лена, тетя Маруся – я совсем не буду одна!

Мама пекла большой слоеный торт, резала салаты и начиняла утку кислыми яблоками.

Тане вдруг совершенно расхотелось уезжать – дома было тепло, знакомо, уютно. В комнате стояла маленькая елочка, наряженная накануне. На карнизе горела

гирлянда разноцветных лампочек, с кухни доносились приятные запахи, и здесь был дом и мама. Здесь был свой двор за окном, телефон и подружка Светка. С ней можно было каждый день бегать в кино на сказки Роу, за мороженым, от которого на морозе ломило зубы, болтаться по улицам, греться в подъезде, укладывая мокрые варежки на раскаленную батарею, и просто болтать о чем угодно, обо всем на свете! А окончательно замерзнув, до «синих носов», прибежать домой, включить горячую воду и долго держать под тугой струей замерзшие ладони, пока ванная не наполнится паром и кончики пальцев не скукожатся, не сморщатся от воды. А потом на кухне поставить на плиту кастрюлю с борщом и ждать с нетерпением, когда из-под крышки появится белый парок и поплывет вкусный запах. Отломить горбушку черного хлеба, с которого посыплется шарики тмина, натереть его чесноком и осторожноенько, не дай бог обжечься, налить себе в тарелку борща, бухнув туда здоровенную ложку сметаны.

А перед тем как наконец начать есть, достать с холодильника огромную, тяжеленную, в дерматиновом зеленом переплете «Книгу о вкусной и здоровой пище». Таня обожала разглядывать цветные картинки и читать «вкусные» статьи и рецепты.

А уж после обеда вообще красота! Завалиться на диван с книжечкой, например с «Дорогой уходит в даль» – любимой, нет, обожаемой книжкой всех девчонок на свете! И перечитывать ее в «сто пятый раз», как говорит мама. Но нет. Так на этот раз не будет. Сейчас она должна уехать из дома, из привычного и родного, из близкого и любимого. Зачем она согласилась? Какая же она все-таки дура!

А Светка уговаривала поехать.

– Ты что? Это же так интересно! Посмотришь на эту новую Лилию – наверняка та будет стараться! Поживешь на шикарной даче, как королева! Эх, мне бы так! – И Светка принималась грустить, представляя, как она проведет Новый год с родителями – вот ведь тоска!

Папа позвонил часа в три дня. Таня услышала, как мама хмыкнула:

– Ну наконец-то! А то я уже решила, что ты передумал! Ну, или твоя, с позволения сказать... – Мама не договорила, видимо, папа ее перебил, и она стала оправдываться и что-то шептать в телефонную трубку: – У меня, видишь

ли, тоже есть планы, как ни странно!

Таня очень удивилась – получалось, что мама ждала ее отъезда? И совершенно не огорчилась тому, что дочь ее покидает? На все каникулы, на долгих десять дней? Странно все это... И что там про мамины планы? Совсем непонятно. И для чего она сделала прическу, отстояв два часа в парикмахерской? Для тети Лены и сестры Маруси? Вот чудеса! И новое платье, Таня увидела его в шкафу на плечиках – чудесное новое платье красного цвета, с пояском и двумя кармашками на золотых молниях. И для чего мама вытащила из шкафа туфли на каблуках – выходные. «Выходные и неудобные», – всегда говорила она. Также для тети Лены? Ну совсем непонятно! И столько еды? Зачем им втроем столько еды?

Тане показалось, что эти взрослые, ее любимые родители, втянули ее во что-то нехорошее, неправильное, и ей стало обидно. Так обидно, что ехать совсем расхотелось. Правда, и оставаться тоже было как-то не очень. В отвратительном настроении Таня надевала сапоги в прихожей, натягивала пальто и совсем не смотрела на маму.

А мама, веселая и возбужденная, крепко ее обняла, расцеловала и пожелала веселых праздников и чудесных каникул:

– Больше гуляй, Танька! Слышишь? С улицы не уходи! Там же такая красота, на природе! Набирайся сил и здоровья!

Таня хмуро кивнула, неохотно коснулась маминой ароматной щеки и, повесив сумку на плечо, вышла из квартиры. Только в лифте она вспомнила, что забыла отдать маме подарок – тот самый флакончик рижских духов. Вот растяпа! Но не вернулась. «Ну и ладно», – решила она. С обидой решила – не очень-то маме это нужно! Настроение у нее, похоже, и без духов замечательное.

Папа и Лиля сидели в машине. Таня забралась на заднее сиденье и хмуро кивнула. Они переглянулись, но задавать вопросы не стали – и на этом спасибо.

До дачи ехали долго – папа ворчал, что дорога страшно тяжелая, скользко и холодно. «И вообще, дурацкая, Лиля, идея!»

Лиля смешливо и дурачливо отвечала ему, совсем не раздражалась и громко включила радио, из которого доносились знакомые песни. Таня поняла: эта Лиля

– человек веселый и беззаботный. И этим она отличается от часто хмурой, недовольной и сварливой – если по-честному – мамы.

Не зря папа называл маму пилой.

Наконец въехали в поселок. Таня смотрела во все глаза – вдоль широкой улицы за высокими заборами стояли дома – крепкие, двухэтажные, с балконами и мансардами.

Высоченные сосны и ели были припорошены снегом. Покачивались и поскрипывали фонари. Из труб на крышах вился мутноватый дымок – наверное, топили камины и печки. В окнах горел свет – сумерки наплывали на поселок медленно, но верно. Мороз потрескивал, и снег вкусно похрупывал. Остановились у высокого забора, и папа выключил мотор. Выбрались из машины. Таня подняла голову и замерла – на темно-синем небе появился узкий ломтик ярко-желтого, словно кусок сливочного сыра или лимона, молодого месяца.

Снег – чистейший, белейший – посверкивал алмазными крупичками. В городе такого и не увидишь.

Дышалось легко и свободно – хотелось вздохнуть поглубже и глотать воздух, как куски мороженого – сладкого и холодного.

Лиля открыла калитку, и они гуськом, друг за дружкой, пошли по узкой нечищенной дорожке по направлению к дому. Дом стоял в глубине лесного заросшего участка – темный, насупленный и страшноватый.

Хозяйка легко взбежала на крыльцо и завозилась с замком. Наконец дверь открылась, и они вошли в дом. Лиля щелкнула выключателем, и огромная комната осветилась оранжевым абажуром над полукруглым столом. Абажур осветил камин с потемневшим от сажи и дыма кирпичом, темные, старинные, огромные кресла и картины на стенах. В доме было, как ни странно, тепло.

– Ну как тебе? – весело спросила Лиля. – Как тебе это все?

Улыбаясь, она обвела комнату рукой:

– Здорово, да? Замок просто!

Таня вздохнула и тихо сказала:

– Красота у вас тут! Я и не видела такого.

– Лилькин отец – генерал, – объяснил папа. – И все у них тут по-генеральски! В смысле – серьезно. Участок, забор, домище. Отопление и прочее. Это тебе не дачка бабушки Оли, а, Тань?

Таня кивнула. Дачка бабушки Оли – именно дачка, иначе не скажешь – была совсем крошечной, в две маленькие комнатки. Правда, с большим крыльцом – верандой, как говорила бабушка. На крыльце стояли стол и два стула – больше не умещалось. Там, на этом крыльце, по вечерам они с бабушкой Олей любили попить чайку – разумеется, с чем-нибудь сладким. Участок тоже был маленьким – шесть соток, больше тогда не давали. На участке росли яблони, сливы и вишня. Из всего этого «богатства» бабушка и варила варенье.

Таня вспомнила бабушкину дачу, загрустила, вздохнула и принялась помогать по хозяйству – разбирать сумки с едой, раскладывать вещи и прочее.

Потом Лиля отвела Таню в ее комнату – так и сказала:

– Это теперь твоя комната, Таня!

Комната была небольшой, но уютной – кровать, письменный стол, настольная лампа и небольшое креслице.

На стене висел портрет юноши – темноволосого, большеглазого и очень красивого.

– Это кто? – осторожно спросила Таня.

– Это мой брат, – отрывисто ответила Лиля и быстро вышла из комнаты.

А Таня села на диван и совсем раскисла.

Даже сама не поняла почему.

Елочные игрушки Лиля принесла со второго этажа, сказала – «из закров родины», и рассмеялась, объяснила, что они «древние», еще ее бабушки.

Игрушки и вправду были чудные – из позабытого папье-маше, из прозрачного и хрупкого стекла, из плотного картона. Таня перебирала их и восхищалась. Дома, в Москве, игрушки были обычные и скучные: разноцветные шарики, с которых быстро сползала позолота, дурацкие фигурки зверей с плохо прорисованными глазами и ушами. А здесь был какой-то сказочный мир, который оживал в ее голове, – Щелкунчик, Белоснежка, Красная Шапочка.

Она так бы и сидела на стульчике возле старого деревянного сундучка, принесенного Лилей. Но дела торопили – Лиля выдала ей валенки, белые, мягкие, легкие. Таня вспомнила, как она ненавидела свои валенки в детстве – черные, каленые, жесткие, в которых не гнулась нога. Лиля засмеялась:

– Эти тоже с историей! Еще моей маме в детстве сваяли! Где-то в Сибири, ты представляешь? В глухой деревне, почти в скиту!

Голубую елку с плотными, мягкими иголками наряжали все вместе – вернее, наряжали Лиля и Таня, а папа чистил дорожки.

Странно, но о новогоднем столе папина жена, казалось, совсем не заботилась – дома, например, мама недели за три начинала беспокоиться и хлопотать: майонез, маринованные огурчики для оливье, жирная и несоленая селедка, шпроты, апельсины и что-нибудь на горячее. Мама бегала по магазинам, радовалась удаче и что-то черкала в своей записке, напряженно покусывая губу.

Вечером, совсем поздно, когда Таня уже давно здорово проголодалась, Лиля как будто случайно вспомнила:

– Ой, а мы же не ужинали! Ты, наверное, хочешь есть?

Таня сглотнула слюну и кивнула. Папа смотрел телевизор и жевал кусок хлеба с колбасой, отломанная горбушка и толстенный кусок колбасы.

«Странно, – подумала Таня, – когда мы жили вместе, папа врывался в квартиру и тут же, незамедлительно, требовал ужин. А перекусы он ненавидел».

Лиля задумчиво стояла у раскрытого холодильника. На лице ее была абсолютная растерянность и даже испуг.

– Может, помочь? – осторожно спросила Таня.

Та очень обрадовалась:

– Ой, правда! Здорово! Я ведь совсем, знаешь ли... Ну, не по этому делу! Не научили – всегда в доме была домработница, ну, как бы точнее выразиться... – Лиля смутилась, – помощница, да! Тетя Нюра всю жизнь с нами жила – она и готовила. И еще нас с мамой растила, ты представляешь? Сначала маму, а потом и меня! – И Лиля опять засмеялась.

А Таня принялась за хозяйство. Самое легкое и любимое – макароны. Они, конечно, нашлись. Сверху – тертый сыр и крутое яйцо. Яйцо мелко порезать. Ну очень вкусно! Вкусно и быстро – этому блюду Таню научила подружка Светка. Светка ненавидела «обедики» – так она называла супы и котлеты. После школы шли к ней и варили макароны.

Итак, через полчаса на столе стояла миска с дымящимися макаронами, присыпанными сыром и яйцами.

Лиля восхищенно хлопала глазами:

– Ну ты у нас гений, Танюш! – И все обращалась к папе, предлагая и ему восхищаться талантливой и смекалистой дочерью: – Нет, Женька! Ты посмотри! Волшебница прямо! Чтобы вот так, минут буквально за десять?

– Вот и учись, дорогая! – усмехнулся довольный отец. – Пора бы, как думаешь?

Ночью Таня проснулась и подошла к окну – за окном стоял густой, темный лес, а над ним, над самыми макушками черных деревьев, лежало тоже темное, почти черное небо, усыпанное мириадами звезд. Было таинственно и пугающе красиво. Чуть поскрипывали деревянные половицы, немного дуло из щелей. Таня

замерзла и забралась под одеяло. Ей снова стало грустно – она вспомнила маму, оставшуюся в пустой квартире в самый веселый и домашний праздник, и ей стало так жалко ее, что из глаз потекли слезы.

Утро было ярким и солнечным – на сосне сидел красноголовый дятел и монотонно отбивал привычную дробь. На рябине еще держались последние, не склеванные птичьим народом, красные, словно стеклянные ягоды, и там примостились два снегиря – пухлые, нахохлившиеся, серьезные, словно поспорившие о чем-то супруги.

Таня вышла из комнаты и поняла, что все спят – в доме было оглушительно тихо. Она быстро оделась и вышла во двор. Белоснежный снег искрился на солнце и скрипел под ногами. Было морозно. На чистейшем, без единого облачка, холодновато-голубом небе светило неяркое ленивое солнце.

По забору пробежала пегая тощая белка.

Таня прошлась по дорожке, свернула с нее и набрала в валенки снега. Он начал подтаивать, и она решила, что пора идти – наверное, нужно готовить завтрак. На папину молодую жену она не рассчитывала. В доме было по-прежнему тихо. Таня нашла муку, молоко, яйца, большую миску и принялась за блины.

Вскоре спустился папа и, поводя носом, показал дочке большой палец:

– Умница, Танька! От Лильки моей толку чуть. Ну ты и сама поняла.

Сели за стол вдвоем. Папа махнул рукой:

– Что ты, какое там «обождать Лилию»? Лиля у нас будет спать часов эдак до двух дня, и никак не меньше! Что поделаешь – генеральская внучка! Избалованная девчонка – ты же заметила.

Таня не понимала. Нет, честно, не понимала! Спать до двух дня? Не приготовить мужу и гостье завтрак? Не подумать о праздничном столе? Нет, чудная она, эта новая папина жена! Неплохая, даже хорошая, но странная очень! А папа, похоже, относится к этому с юмором. Вот чудеса!

Таня прекрасно помнила, как папа злился на маму, если, например, не был вовремя готов обед, не постирана или не поглажена рубашка. Если мама бросала на спинку стула юбку или жакет, папа сердился, а мама презрительно хмыкала: «Аккуратист!»

Здесь же... На кухонном столе валялась Лилина расческа. Дубленка была брошена на пол в прихожей. А дамская сумка стояла на холодильнике! Вот чудеса! Ну и ладно! Что Таня занудствует, как бабка? Какая ей разница, что делает эта Лиля или чего не делает? В конце концов, не ей же с ней жить! А папа... Так он ушел к ней от мамы и единственной дочери. Значит, любит?

Лиля и вправду спустилась только к обеду, точнее, к обеденному времени: обеда и не предполагалось. Была вялой, словно не выспалась, и какой-то заторможенной, что ли? Таня вспомнила, как в выходные и в праздники мама с раннего утра уже хлопотала на кухне.

Лиля была неразговорчива, сидела у окна, пила кофе и молча смотрела в окно. Папа хмуро читал газету.

Таня поняла, что она лишняя, и ушла к себе. Прилегла на кровать, взяла книжку и вскоре уснула.

Проснулась она от голода и от шума – кто-то громко разговаривал за дверью, были слышны громкие звуки, хлопанье дверей, топанье шагов и взрывы смеха.

За окном было уже темно. «Скоро Новый год», – подумала Таня и, причесавшись, вышла за дверь.

В большой комнате, где стоял стол и висел абжур, весело потрескивали в камине дрова. В креслах, на диване и стульях сидели несколько мужчин и молодых женщин. Они оживленно разговаривали, перебивали друг друга и смеялись – было видно, что все хорошо знакомы, друг другу рады и им очень весело.

Лиля сидела на коленях у Таниного папы, обвив его шею тонкими длинными руками, и, изящно наклонив красивую голову, прихлебывала из его бокала. Ее обычно бледное, почти белое лицо покраснелось, и на нем ярко блестели огромные шальные глаза.

Увидев Таню, она спрыгнула с отцовских колен и радостно закричала:

– А вот и наша дочка, ребята!

Все повернули головы и посмотрели на Таню.

Таня залилась румянцем смущения, бросив на папу испуганный взгляд.

Гости равнодушно посмотрели на девочку и снова занялись своими делами. Про Таню они тут же забыли. Она немного посидела в уголке в гостиной, а потом ушла к себе в комнату и попробовала читать. Но было так шумно и так одиноко, что совсем не читалось.

Странное дело – на дворе новогодняя ночь, возле крыльца серебрится игрушками нарядная елка, совсем рядом, за дверью, ходят, смеются, общаются красивые и нарядные люди, а Таня шмыгает носом и больше всего на свете хочет исчезнуть с лица земли.

Вспомнили о ней уже под бой курантов и громкий коллективный отсчет ударов часов – в комнату влетел папа и, схватив ее за руку, выволок в коридор.

Компания сидела за столом, на котором вразнобой были расставлены закуска и разнокалиберная, явно из разных домов, посуда. Было это хаотично, некрасиво и даже неряшливо – словно из сумок каждый достал то, что привез. Впрочем, наверное, все так и было.

Везде стояли уже оплывшие свечи и вкусно пахло дровами и воском. Тихо играла музыка. Таня села с краю и сложила руки на коленях. Раздалось громкое «ура», и все стали чокаться бокалами с шампанским. Папа подошел к Тане и потрепал ее за щеку:

– Грустишь, милая?

Таня еле сдержалась, чтобы не разреветься, и качнула головой:

– Нет, все нормально.

Папа кивнул, тут кто-то окликнул его, и он отошел.

Народ веселился – много пили, громко чокались, смеялись, танцевали и снова смеялись – было то, что всегда сопровождает любой праздник и любое веселье.

Танцующие пары, казалось, сплетались телами и не замечали вокруг никого.

Таня поискала глазами папу и увидела, как он крепко держит Лилю за руки и что-то раздраженно и тихо ей говорит. Лилия ответила ему и резко выдернула свои руки.

- Отстань! - услышала Таня. - Не трогай меня, хотя бы сегодня!

Папа дернулся и отвернулся от Лили. На его лице застыла странная гримаса недовольства, отчаяния и тоски.

Таня тихо вышла в прихожую, надела валенки, накинула пальто и выскользнула во двор. Она быстро дошла до калитки, толкнула ее и оказалась на улице.

Темную улицу слабо освещали горящие окна – их было немного. В окнах была видна жизнь – двигались силуэты людей, танцующие фигуры, отсвечивали экраны телевизоров и вспыхивали разноцветными лампочками наряженные елки. А Таня все шла по бесконечной и занесенной тропинке – не зная куда.

Никогда, никогда в жизни – а эту ночь она запомнила ярко, поминутно и даже посекундно, подробно и тщательно, – никогда в жизни она не была так одинока и так безнадежно несчастна.

Ей даже расхотелось домой к маме, в те минуты маму она считала предательницей – так легко расстаться в новогодние праздники! Совсем не грустить по этому поводу! Значит? Да нет, господи! Глупость какая! А к чему тогда это новое красное платье? Эти неудобные лодочки на каблуках? Эта прическа и эта дурацкая утка в яблоках? Неужели? Неужели мама наврала? Наврала про тетю Лену, Марусю и про все остальное? Неужели мама ждет гостя, мужчину?

Это открытие потрясло Таню до глубины души. Господи, да конечно же! Именно так – мама обманула ее! Мама ждет гостя! И еще – все врут! Все взрослые – наглые и беспардонные лгуны! У всех своя жизнь, и до Тани нет никому дела! Она не нужна маме и, уж конечно, папе с этой его новой Лилей! И никому нет дела до девочки, одиноко бредущей среди почти пустого поселка по снежным турусам, по занесенным снегом пустынным улицам, по темноте – вдоль густого и черного леса, вдоль тоскливых заборов.

Никто и не заметит ее отсутствия – ни развеселый папа с его молодой женой, ни уж тем более мама в новом красном платье и с новой прической. Кстати, как там она? Утка, наверное, съедена, миски с остатками салатов сброшены в раковину. «Наполеон» давно разрезан и ополовинен.

А мама... Мама обнимает чужого мужчину и медленно топчется в танце посередине полутемной комнаты, прикрыв глаза и положив голову ему на плечо.

Таня остановилась – ей сделалось так страшно и жутко, что сердце забилося у самого горла. А дальше? Что делать дальше? Нет, не сейчас, не сию минуту, посреди почти пустого и темного незнакомого поселка.

Не сейчас, а вообще? Как жить, когда самые любимые, самые родные, самые-самые тебя предали? Когда ты никому не нужна и всем только мешаешь?

Лучше всего – умереть! Вот сейчас, прямо здесь, среди снега, мороза и огромного Таниного отчаяния, бескрайнего одиночества.

Она стояла, чувствуя, как леденеют руки в тонких варежках и мороз пробирается под пальто.

Потом шагнула с тропинки и тут же провалилась в рыхлый сугроб. В валенки набился снег, стало совсем холодно и влажно. Таня села в сугроб, потом легла, раскинув руки и ноги, долго смотрела в темное небо, принялась считать звезды, увидела Малую Медведицу, помахала ей озябшей рукой и решила, что нужно уснуть.

Усну – и не проснусь, вот так. Чтобы вам не мешать – маме с ее незнакомым гостем, папе с его странной Лилей и всей развеселой гоп-компанией. Всем. И вот вам последний привет!

А завтра или в крайнем случае послезавтра – завтра-то всем будет не до прогулок, все будут спать, – когда народ потянется к электричке, ее и найдут. Найдут маленькую замерзшую девочку в синем пальтишке и белых валенках.

Главное, чтобы не началась метель и ее не занесло – тогда не найдут еще долго, вяло подумала Таня и почувствовала, как ее клонит в сон.

«Вот и хорошо, – мелькнуло в голове. – Вот и очень здорово! А вы веселитесь! Вам же никто не мешает! И я – в том числе». – И Таня уснула.

Когда она открыла глаза, то тут же зажмурилась. Глазам стало больно от яркого света. Таня услышала, как женский голос тихо, но сердито цыкнул:

– Не соображаешь? Включи лучше ночник!

Сквозь ресницы Таня увидела папу и Лилю – папа сидел в кресле возле кровати, обхватив голову руками. Лиля стояла рядом, положив ему руки на плечи. Позы их были такими отчаянными, что Таня, испугавшись, плотно сжала веки. Очень хотелось пить, губы спеклись и болели.

Не выдержав, она тихо попросила воды.

И тут же, в ту же секунду услышала, как громко и отчаянно разрыдался папа и как вторила ему Лиля, его новая жена и совершенно чужой человек. А потом эта самая Лиля осторожно поила ее теплой водой из маленькой ложечки и нежно гладила по голове и все приговаривала:

– Все будет хорошо, девочка! Ты нас прости!

Лиля плакала, и ее слезы падали на Танину руку. Таня отвернулась и тоже заплакала. Ей было стыдно и очень больно – болели и губы, и глаза, и щеки, и все лицо. И даже кожа на голове. Болели руки, ноги, все тело и все то, что есть у человека внутри. Что – Таня знала не очень, ну легкие, почки. Кажется, печень. И еще, конечно же, сердце. Где оно точно находится, Таня только предполагала – где-то слева, сбоку, между животом и подмышкой. Его она и обнаружила именно тогда, в ту страшную черную ночь.

Почти все время она спала. День сменялся ночью, свет за окном медленно гас, и было по-прежнему тихо, словно в доме все ходили на цыпочках.

На краю ее кровати попеременно сидели то папа, то Лиля. И она видела сквозь ресницы, что папа продолжал сидеть в той же позе – уронив голову в руки. Лилия поила ее чем-нибудь теплым – сладким чаем, кисловатой водой, пресным бульоном.

А однажды утром Таня узнала знакомую руку – на кровати сидела мама и неотрывно смотрела на нее. Мамина рука была прохладной, и Таня чуть поморщилась и приоткрыла глаза. Мама беззвучно плакала и гладила Таню.

Потом, спустя время, на семейном совете – расширенном, как пошутила мама, – было принято эту тему больше не обсуждать. Расширенном потому, что собрались все вместе – папа с Лилей и мама с Мишей. Так звали нового мамино мужа. Или почти мужа, как коротко объяснила она.

Миша, надо сказать, Тане понравился – ничего плохого в этом Мише не было, и она поняла это сразу.

Пару раз приезжал врач – точнее, его привозил Миша, новый мамин муж. Врач оказался его близким приятелем.

Он отпускал какие-то шутки, пытался рассмешить Таню, и однажды ему это почти удалось: Таня улыбнулась, хотя было еще больно – губы были словно склеены клеем. У постели Тани дежурили поочередно – мама с Мишей и папа с Лилей. Говорили все шепотом, но даже этот громкий шепот был невыносим – у Тани все время болела голова. Дней через десять, аккуратно к концу каникул, Таню осторожно одели, вывели на улицу – у ворот дачи стояло такси.

Папа взял ее за руку и прижал к своему лицу. Таня запомнила, как укололась щетиной. И еще она услышала его тихое, почти неслышное «прости» и почувствовала горячую влагу на своей ладони. Потом просталась Лилия, моргая испуганными и виноватыми глазами, и тоже все повторяла «прости».

Наконец они сели в машину и поехали. Таня дремала на заднем сиденье и слышала сквозь сон, как мама просила таксиста:

– Бога ради! Везите аккуратно! Наша девочка очень слаба! Как хрустальную вазу, вы меня поняли?

Таксист недовольно хмыкнул:

– Ну уж, как вазу! Скажете тоже!

Дома было хорошо – все знакомо, любимо и близко. Усталая Таня счастливо закрыла глаза: вот и кончились эти каникулы – и слава богу! Как же хорошо, что она наконец дома!

В школу она пошла спустя месяц – раньше не разрешал врач, да и сил было мало. Приходила Светка – приносила уроки и рассказывала школьные новости. Но Таня быстро уставала, и ей хотелось, чтобы подружка поскорее ушла.

Она смотрела в окно и видела, как на ветках сидят нахохлившиеся воробьи, большущие вороны, галдящие гортанно и громко, – вороны были похожи на ворчащих и злобных старух.

Мама и Миша дежурили поочередно. Через день приезжал папа – один или с Лилей. И все они, включая Лилю и Мишу, говорили, как они любят ее и как в ней нуждаются.

Той новогодней ночью первым спохватился кто-то из гостей: «А где ваша девочка, люди?»

Бросились искать девочку и не нашли.

Папа выскочил в прихожую и обнаружил пропажу пальто и валенок. На улице скрипела и покачивалась распахнутая калитка, и были еще заметны следы на снегу. Все бросились на поиски – благо метель еще не началась и по следам найти Таню оказалось несложно. А после того как ее принесли домой, совсем скоро, метель началась, и сильная. Ну, словом, все понятно.

Диагноз звучал так: легкая степень обморожения верхних и нижних конечностей, пневмония верхней правой доли легкого, возможно, и пиелонефрит.

* * *

Таня слышала, как мама говорила с кем-то по телефону:

– Родить? Это вряд ли! Ну после такого, ты ж понимаешь! Если только... – Мама замолчала и проговорила: – Тогда это будет огромное чудо!

Вылезали из случившегося долго. Ох как же долго! И конечно, не вылезли до конца – пиелонефрит еще частенько напоминал о себе. Став взрослой, больше всего Таня боялась, что не сможет родить.

Спустя много лет мама обмолвилась как-то:

– Мы, Танька, тогда чуть не сдохли, что правда, то правда. Этот невыносимый развод, как по живому. Новые семьи. И тут еще ты со своими чудесными штучками! – И тут же поспешно добавила: – Но при этом остались людьми, вот как бывает! Благодаря, как ни странно, тебе, нашей дурочке.

Когда Таня поправилась, все вернулось на круги своя – папа и Лиля приезжать перестали, Миша вскоре окончательно переселился к ним, все работали, Таня наконец пошла в школу. И еще она поняла – не случись тогда той самой драмы, как говорила мама, все бы по-прежнему думали только о себе. Даже самые близкие были заняты только собой, своей личной жизнью. После ее болезни они все ненадолго сплотились, а потом все снова распалось – на две семьи, на две отдельные фракции.

Папа и мама... Самые близкие и любимые люди. Что ж, у них своя жизнь. У мамы есть Миша, у папы – Лиля, и дай им бог, как говорится. Мама права:

– Сколько людей расходятся, Таня! И никто от этого еще не умер, ты мне поверь!

Но какое Тане было дело до всех остальных? Пусть даже их тысячи и миллионы! Лично ее интересовала только ее семья – ее мама и ее папа. А на всех остальных наплевать.

Однако, как всегда бывает, постепенно смирилась с ситуацией и зажила новой жизнью – а куда деваться?

Миша, мамин муж, оказался человеком хорошим – к Тане относился ровно, с пониманием и уважением. В помощи никогда не отказывал, на просьбу всегда откликался – словом, не отчим, а сплошное везенье.

К отцу и Лиле Таня ездила нечасто – у всех свои проблемы и заботы. Но там принимали ее хорошо. Лиля, казалось, всегда ей была рада, ну а про папу что говорить?

Но Таня чувствовала, что всем, по большому счету, до нее нет особого дела. Здоровая? В школе все гладко? Подружки в порядке? Ну да и ладно – значит, все хорошо.

Папина жена в подружки не набивалась, а маме хватало забот – семья, дом и муж. Таня мечтала о сестре – ох, если бы... Но мама и Миша об этом, похоже, не думали. Миша был страстно увлечен своей работой – работал он завлабом в физическом институте.

Мама посмеивалась и говорила, что он – человек «не от мира сего». «Куда нам рожать, Танька? Ты что? Ведь он и не заметит этого нового ребенка! – отмахивалась мама. – Да и потом... Мы с тобой, знаешь ли, так нахлебались!» – мама всхлипывала.

«Жаль... ах как жаль, – часто думала Таня. – Вот родили бы они ребеночка! Как бы я им помогала! Я бы гуляла с ним во дворе, укладывала спать и пела колыбельную, стирала бы его ползунки и пеленки. Варила кашу и бегала на молочную кухню. И братик или сестренка точно были бы моими!» Но мама и говорить на эту тему отказывалась.

Мама была, конечно, права насчет Миши. Был он совершенно безрукий – новая лампочка, которую Миша пытался вкрутить взамен перегоревшей, трескалась у него в руке, и все бросались останавливать кровь. Кран, который однажды он попытался починить, тут же оказался свернут, и вода рванула бурным потоком, обварив «кудесника» с головы до пят. Потом лечили ожоги. Картошку он ставил варить без воды. Макароны кидал в холодную воду. Перчатки терял через день, а шапку в магазине или в метро забывал раз в два месяца. Да, Миша был не помощник – чистая правда. Хороший человек, а неприспособленный – куда с

таким рожать? Мама, конечно, права.

Дружба со Светкой, естественно, продолжалась. По вечерам они мотались по району и выдумывали всякие небылицы – Светка обожала приврать про свои несуществующие любовные приключения. Таня понимала, что все это выдумки, но Светка врала так самозабвенно и так интересно, что иногда Таня забывалась и начинала ей верить.

Первый серьезный роман случился у Светки в десятом классе. Студент Слава был недурен собой, учился в строительном, жил в общежитии, потому что приехал из другого города. Там и случилось Светкино грехопадение – аккурат на зимние каникулы, десятый класс.

– А не боишься? – шепотом спрашивала Таня. – Ну, если что?

Светка презрительно фыркала, кривлялась перед зеркалом и с укоризной смотрела на Таню:

– А чего мне бояться? Ты мне объясни!

Таня смущалась, краснела и, опустив глаза, еле выдавила:

– А если... ребенок?

Светка заливалась беззаботным хохотом:

– Я что, дура? Совсем без мозгов? Нет, ты совсем, Танька, чокнулась! Мы что, не понимаем? Какой ребенок? В наши-то годы? Чтобы жизнь себе перекорезить?

Таня краснела и пожимала плечами.

– Славик мой – взрослый мужик! – продолжала Светка. – Ты понимаешь? И это, подруга, его проблемы! – Она прищурилась и осуждающе качала головой: – Ну, ты даешь, мать! Ребенок! А на фиг?

– Совсем не хочешь? – удивилась Таня.

Светка уставилась на нее, словно впервые увидела:

- Что значит хочешь - не хочешь? Да я и не подумала об этом ни разу! Сначала - учеба, институт. Потом - хорошая работа. Дальше - брак и семья. Квартира, машина. А уж потом заведем и ребенка!

- Заводят собаку, - тихо ответила Таня. - Или кота.

«Умелый и опытный» Славик надежд и уверенности Светки не оправдал - она залетела. Случилось это в июне, перед самым выпускным, куда она явилась зеленая и замученная. Ее все время тошнило. Светкина мать, ушлая тетка, казалось, ничего не подозревала - та ей врала, что отравилась, а после этого разыгрался гастрит.

После торжественной части и вручения аттестатов Светка сразу ушла. Таня ушла вместе с ней - как же, подруга! Хотя уходить с выпускного было ужасно жаль - впереди были концерт и праздничный ужин.

В нарядных платьях и туфлях они сидели в беседке детского сада, и Таня, как могла, утешала подругу.

- Может быть, все же родишь? - спросила она осторожно.

Светка накинулась на нее:

- Да ты совсем ненормальная, а? Какое - родишь? И от кого? От этого говна, который исчез в ту же минуту, как только узнал? Да и мать меня разорвет - ты ее знаешь! Да и вообще, родить - сейчас? В семнадцать лет? У меня совсем другие планы - профессия и нормально обеспеченный муж! С квартирой, машиной и перспективой! Я просто мечтаю из дома уйти! - добавила Светка с тоской. - Как все достали!

Все правильно, Светка права.

Отец Светкин попивал и погуливал - особенно и не скрывая. А Светкина мать, тетя Люда, боролась с мужниным пьянством и «гульками», как она называла его непродолжительные, но яркие загулы. Тетя Люда жила в твердой уверенности,

что от хорошей жены муж не уходит! А у хорошей жены чистота в доме, полный шкаф отглаженных рубашек и брюк, вкусный обед из трех блюд – все это называлось «уютная обстановка». А кто от хорошей жизни уйдет? Правильно – только дурак! Она была абсолютно убеждена в своей правоте и неукоснительно исполняла намеченную программу.

Женщина она была красивая, но какая-то тяжелая – тяжелый взгляд, тяжелая поступь. Работала она сервизницей в ресторане и, понятно, «химичила». Тащила оттуда посуду и, конечно, еду. Как говорила сама – деликатесы. На казенных тарелках лежали корзиночки с салатами, копченая колбаса, заветренная осетрина и прочая снедь.

– Ну, – радостно восклицала Светкина мать, разложив деликатесы, – и куда он уйдет от такой красоты? Где еще он так будет питаться?

И «баловала» любимого мужа – то дубленку притащит, то японский магнитофон. Покупала у спекулянтов за бешеные деньги, как говорила Светка. Тот радовался как ребенок, затихал ненадолго – и снова в поход.

Однажды на пороге семейного дома возникла любовница. В руках она держала пачку фотографий, подтверждающих крепкую связь, – они в ресторане, в кино и даже на курорте, в санатории, куда путевку доставала, естественно, тетя Люда. Она стояла на пороге и хмуро смотрела на нежданную гостью. Отсмотрев фотографии, подняла тяжелые веки:

– Ну? И чего тебе надо?

Дамочка растерялась и хлюпнула носиком:

– Я... Просто хотела вам показать!

– Показала? – сурово спросила Людмила Васильевна.

Тетка кивнула.

– Ну а теперь иди на ...! – рыкнула законная и легонько толкнула любовницу в плечо.

Та пошатнулась, расплакалась и, кажется, испугалась – по лестнице летела, словно Карлсон с пропеллером. А тетя Люда демонически хохотала ей вслед. Отхохотавшись, легла на диван и зарыдала.

Светка родителей презирала: отец – жалкий прихлебатель и пьяница. А мать бьется за него всю жизнь, за такое «добро»! И как ей не стыдно? Ведь как унижительно! Всю жизнь прыгает перед этим козлом, кланяется, приседает – а ведь все на ней! Все! А он без нее пропадет.

Хотя кто из них пропал, а? Не пропадет – пристроится тут же! И еще помоложе найдет!

Все это она часто излагала Тане, та молча слушала подругу, ничего не комментируя: ох, у всех дома не очень складно и сладко, что говорить.

Через четыре недели Светка сделала аборт.

Мать ее уехала в санаторий, а папаша, понятное дело, дома не появлялся.

Таня в ту ночь ночевала у Светки.

– Ну как ты? – спросила она. – Как все прошло?

– Да нормально! – отмахнулась Светка и засмеялась. – В рабочем порядке!

Больше они к этой теме не возвращались.

К шестнадцати годам невысокая и худенькая Таня оставалась подростком.

Однажды слышала, как мама делится с Мишей:

– И в кого она такая Дюймовочка? Ах да – в бабушку Олю! Та тоже от горшка два вершка, метр с кепкой. И эта... Просто подросток тринадцати лет. Ни прически, ни косметики, ни тряпок модных не просит – чудная девка у нас! Чудная, ей-богу! Сейчас таких нет. А ухажера ей будет найти непросто – сейчас такие не в

моде.

В институт Таня поступила легко – книжная, спокойная девочка, к экзаменам готовилась дни напролет.

Однажды Таня подслушала мамин разговор с подругой. Та жаловалась на разгильдяя сыночка и, видимо, спросила, как Таня.

Мама в ответ рассмеялась:

– Да здесь я спокойна, как танк! Послушная девочка, никаких хлопот и забот – только учеба. Кавалеры? Что ты, о чем? Танька – и мальчишки? Ха-ха-ха! Это и вовсе не про нее! Кажется, она так глубоко застряла в детстве... Нет, нет никаких мальчигов. Да и слава богу – успеет еще! Пусть поступает, а там уж... Ой, такие сейчас девицы! Господи не приведи! Слушаю коллег – и волосы дыбом! Все уже, понимаешь? Ну, в смысле – живут! Да, да, в том самом смысле! Ну, ты поняла! А моя, тьфу-тьфу-тьфу, абсолютный ребенок! Конечно, слава богу, – рассмеялась мама, – о чем ты? Да, мне повезло!

«А мне? – загрустила Таня. – По-моему, нет».

Ребята совсем не обращали на нее внимания. «И дело тут не в красоте, – авторитетно заявила Светка. – Просто... ты... какой-то синий чулок! Нет, правда! Ну посмотри на себя!»

Таня обиделась:

– А что же не так? То, что я не курю и не мажусь, как все? А, ну да! Еще не пью водку и не матерюсь! – И она делано рассмеялась.

Светка удар отбила:

– Водка тут ни при чем! И мат ни при чем! И косметика даже! Дело во взгляде, моя дорогая! Ты скучная, как первый рабочий день после отпуска! Скучная и тоскливая! Ходишь и смотришь себе под ноги! И глаза у тебя как у рыбы! Причем рыбы уснувшей!

Конечно, Таня обиделась. Еще бы! Но что получалось? Все считали ее синим чулком: мама, подруга. Папина Лиля как-то потрепала ее по щеке:

- Таня! Когда приведешь кавалера? - И тут же вздохнула, не дождавшись ответа: - Ясно. Ну что ж, будем ждать!

И никто, ни одна живая душа, даже самые близкие - мама, Светк, - не догадывались, какие страсти бушуют у Тани в душе. И совсем не об учебе мечтает их тихая девочка! А мечтает... о ребеночке.

«Ну, я вам всем покажу! - мстительно думала она. - Вам кажется, что я - наивная дура?»

И показала. Очень скоро показала, надо сказать. Глупость, случайность, нелепость - залететь с первого раза?

Светка пялила на нее широко раскрытые глаза:

- С первого раза? - И снова повторяла - уже по слогам: - С пер-во-го? Ну ты и дура, подруга!

Бойкая Светка была растеряна, ошарашена и напугана - да еще как! «Ты же не я», - повторяла она.

А тихая Таня - робкая, несмелая, книжная Таня - была совершенно спокойна, сидела на диванчике в собственной комнате и улыбалась - загадочно и глуповато.

Таня молчала и, казалось, ушла в себя. Светка орала и требовала ответа: кто, где, когда?

Просто название передачи.

Таня не отвечала.

Светка моталась кругами по комнате, крутила пальцем у виска и непотребно ругалась.

Таня позу поменяла спустя полчаса – откинулась на спинку дивана, забросила руки за голову, и на ее лице появилась блаженная улыбка.

Когда Светка грохнула стулом об пол, Таня наконец громко вздохнула, приподнялась и тихо, но твердо сказала:

– Что делать? Разве не понятно? Конечно, я буду рожать!

Светка опустилась на еле выживший стул и прошептала:

– Ну да... Я все поняла! Ты точно больная!

Таня, соглашаясь, кивнула и встала с дивана.

– Слушай, а пойдём поедим. Есть очень хочется, правда!

Светка поплелась за ней на кухню, продолжая причитать и поносить ее последними словами.

В это же время Таня деловито нарезала бутерброды и грела суп – любимый, перловый:

– А, красота! Светка, ты любишь перловый?

– Я вообще уже ничего не понимаю, – обескураженно ответила Светка. – Ну что... Наливай! Что с тебя, с дуры, возьмешь?

Потом, конечно, начались разговоры.

– Ладно, не хочешь колоться – дело твое! – кипятилась подруга. – Но тетя Зоя, Миша. Отец с этой Лилей! Что делать с ними? Нет, ты ответь!

Таня налила себе добавки:

– Не будешь? А я, знаешь ли...

Потом наконец отодвинула тарелку и спокойно сказала:

– Свет! А что ты волнуешься? Да все будет нормально! Ну не выгонят же они меня на улицу, а? – И она, улыбнувшись, погладила себя рукой по животу.

– Ну, не знаю... – протянула Светка. – Моя бы меня точно выкинула!

«Бедная Светка, – подумала Таня. – Ишь, как ее проняло!»

Правду она подруге так и не сказала. И маме не сказала. Ну а уж всем остальным и подавно. Стыдно было? Наверное, да. Да и рассказывать-то было нечего – точнее, ничего интересного. Честное слово. Обычная студенческая вечеринка по поводу сдачи первой сессии в большой, свободной от родственников квартире. Красное вино, белое вино. Далида из магнитофона. Мальчик Паша из параллельной группы. Обычный мальчик, ничего примечательного. Не наглый, не громкий – скорее всего, не особенно опытный. Впрочем, думать надо бы было ей – так принято.

Удалились в свободную комнату. Зачем? Целоваться.

Паша робел, пыхтел, гладил ее потными руками. Было немного неловко, смешно, но не противно. Оба, как малые неумелые дети, стеснялись друг друга, робели. Так все и вышло – совсем не загадочно, не романтично. Обыденно, да...

Таня читала – так бывает. В общем, нечего обсуждать – что было, то было. Через пару дней встретила его в институтской столовой – кажется, он ее не узнал. Или – сделал вид, что не узнал? Смутился? Может быть, так. Чуть покраснел, столкнувшись с ней взглядом, и тут же отвел глаза.

Бывает! Мы странно встретились и странно разойдемся.

Я тоже забуду тебя, Паша! Вернее – забуду твое лицо. Губы твои забуду и руки. Запах забуду. Всего тебя, в общем хорошего... Я ни на что не претендую – поверь!

Но – вот что странно! Навсегда остался в памяти привкус дешевого белого вина «Апсны» и голос Далиды – навсегда, на всю жизнь.

* * *

Кстати, потом, спустя годы, сходства сына с отцом она не находила – во?первых, не искала, а во?вторых, почти не помнила Пашиного лица. Да и свет был неяркий.

Но слова плохого о нем – ни-ни! Никогда! Пусть будет здоров и счастлив! И еще – спасибо за Митьку!

Потом, конечно, было несладко – мама, папа, бабушка... Да... Лиля и Миша. Вся ее большая «семья» реагировала бурно. Разве что Миша был сдержан. Но что ему, собственно? Ему легче всех. А мама плакала и никак не могла поверить: «Таня? Моя Таня? И так? Так обойтись со всеми нами? Книжная девочка, удачная девочка? Моя послушная, спокойная и хорошая дочь? Гордость моя и надежда? Да, учудила... А что скажут люди? Нет, мне, конечно, почти наплевать... Но все-таки – что скажут люди?»

«Зоенька, какие люди? – переспрашивал Миша. – Какие там люди? На всех наплевать. Но как-то неловко – да, в самом деле... неправильно как-то – здесь я согласен».

Мама, очухавшись от первого ужаса, принималась кричать. Таня затыкала уши и уходила к себе. Мама рвалась в комнату, а Таня сидела на диване и смотрела в окно. Однажды ответила:

– Не мешай мне наслаждаться!

– Чем? – Обалдевшая мама застыла со сковородкой в руках.

– Счастьем! – просто ответила дочь и прошла мимо, слегка задев маму плечом.

Конечно, было жалко бабушку Олю – та разболелась от «дурных» новостей так, что почти не вставала.

Папа бросил маме коротко и жестко:

- Полюбуйся на плоды твоего, так сказать, воспитания!

Мама, конечно, ответила, да так, что...

Таня закрыла дверь в свою комнату - только б не слышать.

В Танину сторону папа почти не смотрел, будто брезговал.

И реакция Лили: «Ну что удивляться? Странная девочка. Помните, как ушла умирать в Новый год? Вот-вот, вспоминайте! Легла себе в сугроб - и до свидания, родня! Я так решила! В тихом омуте... Вы что, забыли? Вы так и не поняли? Танечка наша еще ох как заставит нас всех удивиться. А вообще, - заключала Лиля, - оставьте ее в покое! Вы что, мои дорогие? Это серьезно! А вы и не поняли!»

Светка находилась в полной растерянности - сначала эта новость, объявленная Таней совершенно спокойно и даже буднично, ввела ее в легкий транс. Потом Светка наконец поняла, что это серьезно - эта дура и вправду родит. И Светка замолчала. А чтобы Светка, простите, молчала...

Потом громко сглотнула и пару раз сморгнула. Наконец тряхнула головой, как только что запряженная лошадь, и тихо проговорила:

- А ты голову вообще давно проверяла?

Таня улыбнулась, не думая обижаться.

Светка понемногу приходила в себя, и голос ее набирал обороты. В выражениях она не стеснялась.

Таня равнодушно жевала яблоко и изредка кивала:

- Ну-ну. Продолжай.

Однако в какой-то момент резко встала с дивана и хлопнула ладонью по журнальному столику.

– Все! Поняла? Рот закрой!

Светка замолчала, снова сглотнула и почему-то, тут же согласившись, быстро кивнула.

С того самого дня на Таню она смотрела с опаской – вот ведь как вышло: живешь с человеком в соседнем подъезде, практически рядом, десять лет каждый день ходишь в школу. Вместе в театры, на каток, просто прошвырнуться. Казалось бы, знаешь его насквозь. Вместе с ним вырастешь и постигаешь этот мир, а выходит, что человека, считающегося очень близким и даже родным, и вовсе не знаешь! Или нет, не так – Танька наша, наверное, все же рехнулась – так бывает. Ну, гормональный фон и все такое! Что-то там сдвинулось в организме, заклинило, и вот тебе на! Легкое помешательство с невероятно тяжелыми последствиями – вот как это называется!

Светке было жалко всех без разбору, в первую очередь Танину маму – здесь все понятно. Во вторую, конечно, себя! Вот так, можно сказать, на взлете, в самом начале почти уже взрослой жизни, – потерять такую подругу! Да, конечно же, потерять! Какая теперь будет жизнь у этой дурехи? Пеленки и распашонки? Ночные горшки и манная каша? Сопли, ветрянки и прочая гадость?

И это уже навсегда.

Понятное дело, их пути разойдутся!

Таню, дуру эту, кретинку, тоже, конечно же, было ужасно жаль. Но человек, как известно, сам выбирает свою судьбу.

Но вот так, добровольно? Своими, как говорится, руками все испортить? Нет уж, простите! Вот этого Светка понять не могла. Она продолжала возмущаться и удивляться, но уже про себя – Таня на ее выпады просто не реагировала. Точно – свихнулась.

Домашняя обстановка напоминала ситуацию «после похорон и поминок» – так определил ее Миша, неожиданно оказавшийся союзником Тани. С Зоей он проводил беседы, правда вялые и неубедительные. Будучи человеком мало реагирующим на житейские «мелочи» вообще, он по-прежнему интересовался только наукой и делами лаборатории.

Зоя, слыша не очень внятные и разумные утешения, взрывалась пламенной речью: «Да все понятно! Ты отчим! Не родной отец! И тебе, как всегда, все по барабану! И моя жизнь – в том числе!»

Впервые за шесть лет их, казалось бы, крепкого брака она почти перестала с Мишей разговаривать, всем своим видом давая понять, что он ей стал неприятен. Его чудачества она еще как-то терпела. А вот то, что он – добрый дядя – не поддержал и не осудил «эту кретинку», Зоя простить не могла. И еще – теперь она объединяла их: идиотку-дочь и чокнутого мужа. «Парочка – гусь да гагарочка», – презрительно фыркала она.

Хотя, конечно, Миша ученый, не от мира сего человек. А вот о дочери своей она была лучшего мнения. Танины странности, о которых говорила Лиля, она всегда старалась не замечать. Даже ее уход из дома в ту кошмарную новогоднюю ночь мать попыталась поскорее забыть, как что-то кошмарное и ужасное. Она пыталась этот поступок оправдать: начало переходного возраста. Развод родителей и все, что к нему прилагается. Все объяснимо вполне!

Но сейчас было жалко глупую дочь и, конечно, себя саму.

Найти разумные объяснения Таниному поведению она не могла, без конца повторяя про себя: «Чтобы так бездарно сгубить свою жизнь, отказаться от молодости, свободы, карьеры и, в конце концов, развлечений?»

И еще было чувство стыда. Ладно было бы Тане лет тридцать! Да даже и меньше, пусть двадцать пять! Да даже двадцать, в конце концов! Ну, не сложилась личная жизнь – подумаешь, сколько вокруг рожают без мужа!

Время другое, нравственные устои категорически поменялись, женщины рожают для себя, и правильно делают! Но родить в неполных восемнадцать, да еще и без мужа? Господи боже мой... Конечно, позор! «Что я скажу на работе?» – эта мысль то и дело крутилась в голове.

Вспомнила, как сотрудницы гордились внуками – тащили пачки фотографий и умилялись. Как хвастались свадебными фотографиями. А она? Чем хвастаться ей?

И еще она думала о себе – что греха таить? Только пришла в себя после развода. Это доченька думает, что он был бескровным и спокойным! Развод, знаете ли, и есть развод, как ни крути! Да, развелись тихо и без скандала, все правда. Интеллигентные же люди, ей-богу! А что было у нее там, внутри? Женщина в тридцать семь – уже почти без надежд. Так ей казалось.

А пережить предательство мужа? Появление этой Лили, генеральской дочки? Ему-то повезло – молодая жена, к тому же красавица. Роскошная квартира на Смоленке, шикарная дача в Загорянке, богатая родня. А у нее? С чем осталась она? Одинокая женщина не первой молодости со странным ребенком?

Слава богу, почти сразу появился Миша – чудо ведь, что почти сразу! Про Мишу она тоже все понимала – чудак. Хороший человек, а чудак. Это тоже было сразу очевидно. У него это был первый брак. Со стороны это выглядело так: взрослая, умудренная жизнью женщина с разводом за спиной и дочерью-подростком прибрала к рукам мужчину на четыре года моложе себя. Да, конечно, пустяки. И все же.

Кстати, Мишина мать, Зоина будущая свекровь, приняла ее без восторгов, но вполне спокойно – все про детку свою понимала. Свекровь, профессор в университете, разглядывала ее внимательно, пристально, с жестким прищуром. Все, дескать, про тебя, милая, понимаю – тебе, женщине брошенной, надо устраивать жизнь. Миша мой, конечно, не вишенка на торте. Но и ты, дорогая, подарок сомнительный. И прикидываешься ты плохо – в глазах твоих одна смертная тоска. Я-то не сынок мой малахольный – про жизнь все понимаю. Рано овдовев, она сына тянула без мужа. Ни о каком замужестве больше не думала. Отчим для Миши? Совсем невозможно! А по поводу его женитьбы решила: «Ладно, как есть. В конце концов, могло быть и хуже – дурачка моего могла зацепить зубастая и цепкая, скорее всего, из лимитчиц – а зачем он москвичке? А тут прописка, квартирка отдельная. Да и он не алкаш и не подзаборник. В общем, Зою эту с придатком в виде дочери надо терпеть. Да и Мишенька под присмотром – на эту дамочку положиться, видимо, можно».

В первом браке с Таниным отцом – по большой, кстати, любви – Зоя была счастлива. Особенно в первые годы. Сейчас она четко это понимала. Потом, конечно, накопились усталость и раздражение, причем у обоих. Даже ругались шепотом, по ночам – не дай бог, Таня услышит!

Таня была, как Зое казалось, для них всем.

И позже, когда участились скандалы, раздражение и недовольство друг другом стали постоянными, Зоя и в голове не держала, что Евгений может уйти. Да вы о чем? У них нормальная, среднестатистическая семья – муж, жена, ребенок. Кстати – квартира, машина. Тоже ведь не пустяки! Да, шипим друг на друга, ворчим, но мы же любим друг друга. А кто живет без проблем?

Про роман мужа с молодой женщиной, много моложе ее, Зоя долго не знала – какие-то сомнения, конечно же, были, но все это припомнилось уже потом, на трезвую голову. И то, что происходило в семейной спальне – точнее, уже не происходило! – ее тоже не особенно удивляло. Накануне поссорились, да, потом помирились, но что-то осталось в душе, и уже неохота. К тому же завтра рано вставать.

Потом ругала себя: «Дура! Какая же дура! Как не заметила, как пропустила?»
Корила себя, ругала: «Сама виновата! Проморгала!»

А потом появилась такая злость! Чуть не чокнулась тогда – так гневалась, так пробирало. И тут «подоспел» Миша, спасательный круг. Уцепилась за него как за соломинку.

Потому что поняла – тогда наконец поняла: никому она, одинокая женщина с ребенком на тридцать восьмом году жизни, не нужна, вот так.

Вокруг летают, порхают, бегут на легких ногах, откидывая небрежно пушистые волосы, красоти и молодухи, чтоб им... А ей вслед уже никто – никто, понимаете? – не оборачивается!

В первое лето после развода поехала с Таней на море. Жили у дальней родственницы, милой старушки. Бабка была, что называется, с пониманием. Жалела и все приговаривала: «Зюечка, милая! Ты не стесняйся, деточка! Я с Танюшкой побуду! Ты и в кино сходи, и погулять! А я ее накормлю, уложу – гуляй хоть до рассвета! Я ж все понимаю – молодость, девочка! Молодость и свобода!»

Зоя растерянно кивала, благодарила, но оставалась дома. С тетушкой и дочкой. После променада по набережной с дочкой вдвоем пили чай во дворе. Потом она шла укладывать Таню и ложилась читать. Старушка смотрела на нее с

удивлением – не понимала.

А понимать тут было совсем нечего – никто с ней не пытался познакомиться, никто ни разу не пригласил в кино или в кафе, никто даже не предложил «пройтись» по набережной, где под яркими и низкими звездами на чернильном южном небе текли, словно реки, потоки влюбленных парочек.

Она посмотрела на себя со стороны – хлопотливая тетка под сорок с выгоревшими от солнца соломенными жесткими волосами, небрежно заколотыми облезлыми шпильками. Обгоревший и облупившийся нос, светлые ресницы – ну не красить же их на пляж, честное слово! Немного вылинявший сарафан – в Москве он казался вполне приличным... дурацкая шляпа от солнца. Резиновые вьетнамки – не на каблуках же переться на пляж!

Рядом, держа ее за руку, идет чуть угловатая, неуклюжая девочка с очень серьезным взглядом. Строгая девочка, из положительных. В руках сумка с пляжными шмотками и пара авосек для рынка – груши, персики, виноград.

Господи... кто же посмотрит на нее, а?

По пляжу на цапельных ногах, откинув длинные волосы, ходили красотки. Снова они! Тоненькие бретельки купальников беспощадно перерезали бронзовую нежную кожу.

Вот тогда Зоя все поняла. А ведь казалось, что впереди еще столько всего! Часто повторяла: «Какие наши годы!»

Повторяла и нарочито смеялась: «Замуж? Да стоит только захотеть! Нет, пока не хочу – отдыхаю! Наелась я вашего замужа!»

«Наивная глупость», – твердо решила Зоя, вернувшись тогда с юга.

Ничего случайно-прекрасного в ее жизни больше не будет – это она поняла и в голове своей уложила. Значит, что? Значит, надо устраивать жизнь.

Вот в то самое время и подвернулся ей Миша.

Их познакомили – конечно же, познакомили! А где еще взять кавалера? На танцах? Познакомиться в общественном транспорте? Нет, там знакомятся молодые! А она уже зрелая женщина, как ни крути...

«А что, он очень даже вполне, – убеждала себя Зоя. – Миша добр, справедлив, не жаден. К Тане относится прекрасно – ну что еще женщине надо? А то, что он немножко странный... Так ерунда!»

Зато она знала одно – и знала твердо: Миша, ее новый супруг, ей никогда не изменит. Он ее не предаст.

Никогда, понимаете? Никогда.

Вот здесь она может быть совершенно спокойна.

Во-первых, ему этого совершенно не нужно.

А во-вторых, кто позарится на ее Мишу, если по правде?

От их брака Зоя ожидала, скорее всего, одного – уверенности и покоя. Все это она и получила в полном, как говорится, объеме.

Да ладно, чего уж там – вон сколько одиноких баб! Сколько мытарств в бабской жизни! Она частенько вспоминала Евгения, своего первого мужа. Мужа-предателя, мужа-изменника. Хотя понимала, что с ним все было на одной волне, в одном стихийном порыве. Даже ссорились на одной волне. И мирились...

Партии свои они отыгрывали, надо сказать, как по нотам.

Миша же был из тех мужиков, которым хватало одной женщины – жены, любовницы, мамочки и сестры – хорошо бы, чтобы все это совместилось еще и в одном лице. И тут ему повезло – Зоя была именно такой женщиной. И даже с его привередливой матушкой легко нашла общий язык. Что же до падчерицы Тани – здесь вообще все было прекрасно. Его «новая дочь» почти все время сидела у себя в комнате – готовилась к занятиям или просто читала. Воспитанием падчерицы он не занимался – он вообще ничем не занимался, кроме науки. Нет, окончательно асоциальным типом Миша не был – ему под силу

был и магазин с несложным списком – вроде молока и хлеба, снести в прачечную белье или отправить телеграмму на почте. Все остальное было для него недоступно. Случилось как-то родительское собрание, а Зоя третий день валялась с жестоким гриппом и высоченной температурой и отправила в школу его. Пришлось Мише идти – с женой он предпочитал в спор не вступать. А там, в классе, отчаянно зевал и смотрел на часы – когда же закончится эта мура и мука?

В душе он так и остался неисправимым холостяком, волею судеб и желанием двух женщин – матери и жены – ставшим человеком семейным.

Никому и никогда Миша не открыл бы свою главную и заветную мечту – жить одному и заниматься любимым делом. И еще ему часто казалось, что с падчерицей они почти родственные души – та тоже не любила шум и обожала уединение. Нет, он ценил свою жену! Ценил ее заботу, бесконечные хлопоты. Но счастлив бывал все-таки, только оставшись наедине с самим собой.

* * *

Пару раз мама еще пыталась поговорить с Таней. Готовилась долго, штудировала книжки по психологии – чтоб не обидеть, не задеть, не приведи господи, ранимую душу.

Не спала ночами и проговаривала свои монологи. Там было все гладко и убедительно. «Таня, девочка моя! – повторяла она про себя, – Вот ты только послушай! Просто послушай, и все! А решение примешь сама! Ты взрослая, да. Но ты еще и ребенок! Ты мне, матери, поверь! И решение это, моя дорогая, глупое, по крайней мере! Ты ломаешь всю свою жизнь! А как же институт? Танечка, милая! Детка моя! Ребенок – это не шутки и не игрушки!»

Картинка рисовалась такая: она, любящая и терпеливая мать, говорит «на полутонах», негромко, мягко, нежно и главное – убедительно.

Таня, хорошая дочь, естественно, слушает – внимательно и доверительно. Не возражает. Почти. Словом, общий язык они, конечно, находят. Дальше – раскаяние, бурные слезы и – объятия. Как без объятий? Таня поймет, Таня раскается. И наконец совместное и разумное решение – увы, но придется

подождать! «Умница, девочка моя! Я так и знала! Я была уверена, что ты все поймешь правильно! Я не сомневалась в тебе! Ну, молодец, молодец!»

Снова слезы – уже без объятий. Немного на повышенных тонах – все-таки драма. Хлопанье дверьми, звук разбитой тарелки. И бурные совместные рыдания – это финал-апофеоз! Сложное решение принято. Затем чай с пирожными и осторожный, крайне мягкий разговор про... все остальное, что теперь предстоит. «Доченька, есть прекрасный врач, ты мне поверь! С таким опытом, что и волноваться не надо! Все сделает четко, как надо и без последствий».

Дальше – выдох и звонок Лоре Петровне. Все!

Получилось все совсем не так.

Зоя Андреевна завелась с первой минуты, увидев выражение Таниного лица. Дочь разговаривать не желала. Ее послушная Таня отвечала непозволительно резко, почти по-хамски.

– Мама, ну я же сказала! Ничего этого не будет, ты понимаешь? Ни аборта, ни твоей замечательной Лоры Петровны! Ни-че-го! Будет ребенок, мам! Мальчик. Сын. И – умоляю тебя! – закончим эти дурацкие разговоры!

Стыдно признаться, но в эти минуты дочь свою она почти... ненавидела. Вот ведь дура какая! Тупица упрямая! В восемнадцать лет – и навсегда! Навсегда – хлопоты, бесконечные заботы, бессонница, вечные страхи!

Так рано поставить крест на своей жизни. Лишить себя всего и сразу, господи... Какая, прости господи, идиотка! Ребеночка захотела! Боится, не успеет еще в это ярмо, в эту ловушку бесконечной любви и постоянного страха.

«И в кого она такая, эта дура? Уж точно не в меня! И не в папашу – тот-то быстро сообразил, где повкусней и послаще». Злость и обида на мужа не проходили, вначале старалась привлечь его к воспитательной акции. Но – обычное дело – тот отказался сразу. «Уволь! Это ваши дела, бабские!»

И конечно, обвинил ее. Ты виновата! Следить надо было за девкой! А не...

Тут-то Зоя Андреевна и взорвалась:

– Я? Я виновата? Мне надо было следить? А ты, прости господи? Кто от нас сбежал? Кого потянуло на свеженькое? Вот и результат – несчастный ребенок из неполной семьи! Так что ты, мой дорогой... – Договорить не успела. Бывший досадливо крякнул, махнул рукой и, встав со скамейки, быстро отправился прочь.

– Ну и катись! – выкрикнула она так громко, что обернулись прохожие.

Она поднялась со скамейки и медленно побрела по бульвару. Плакала горько. Было обидно – вот почему? Вот почему так жестоко? Сначала – предательство мужа. Потом – предательство дочери. Именно предательство! Да потому, что все снова будет на ней! Все эти мечты – выучить дочь и наконец пожить для себя – летят в тартарары. А ведь годы щелкают, как бухгалтер на счетах. Сколько его осталось, бабьего века? И вот опять – снова здорово! Только, казалось, вздохнула! Только-только стало как-то налаживаться с Мишей – они попривыкли, пообжились. Денег почти хватало – строили планы. Вернее, строила она, а он соглашался. Он всегда соглашался. Зоя понимала – ему так проще: согласиться и не спорить. Это его утомляло и отвлекало от главного – от работы и мыслей о той же работе. Да и был он крайне неприхотлив – что дадут, что предложат – спасибо.

Зоя шла по бульвару, не замечая мелкого колкого дождя. Вот только, можно сказать, начали жить! В августе собирались на море, в Болгарию. Мечтала купить там дублинку. Ох как мечтала! Серую, с темной цигейкой... Ну, или коричневую – без разницы. Новую кухню хотелось. Синий пластик – нелепость и дикость – надоел до жути и резал глаз. Покупал еще он, первый муж. А ей не нравилось страшно. Мечтала о бежевой или кремовой – Зоя любила спокойные тона.

Все – мимо, все! Теперь надо думать о кроватке, коляске, ползунках и всем прочем.

Как планировалось? Таня закончит школу, поступит в институт. Выйдет замуж. Хорошо бы, чтобы муж был из приличной семьи, чтобы свои люди, одного круга. А если с квартирой – так что тут плохого? Обычное желание. Свадьба, конечно, нормальная, без всяких там дурацких прибабасов типа пупсов на капоте и

прочего безвкусного простонародного антуража.

Народу совсем немного – только самые близкие. Скромный и уютный ресторанчик, тоже без пафоса. Конечно, длинное платье, но – без фаты, уж простите. И точно не белое! Пусть будет голубоватое или салатное! А что, красота и необычно! Но без размаха. Не комильфо это все. Не надо нам по-купечески, «с куражом». Интеллигентно будет и скромно. Потом молодые уедут. Скажем, в Таллин или Ригу – чуть-чуть по-западному.

Они, кстати, с первым мужем тоже поехали в Таллин. И справедливости ради, было там здорово! Ах, как же было там хорошо!

Она отвлеклась и стала вспоминать Таллин – старая узкая лестница в Вышгород. Обледенелые ступеньки, и он, ее Женька, крепко держит ее за локоть. Запах дымка из печных труб и... запах бесконечного счастья!

Кофе – уже внизу, в кафе у Ратушной площади. И снова запахи, запахи – кофе, корицы, теплой выпечки, тмина. И еще – привкус холодных поцелуев на морозе. Как было сладко! Трубочист в черном сюртуке и цилиндре с лесенкой на плече, вынырнувший из узенькой улочки, как из сказки Андерсена...

Церковь Святого Олафа на улице Лай – любимая готика.

Булыжные мостовые, печные трубы, поленницы дров во дворах.

Неужели они еще топят печками? Нет, и вправду Средневековье!

– Глупая девочка, – смеялся Женька. – Моя глупая девочка! Жена.

С каким удовольствием он повторял это слово – «жена»...

Пять дней – всего-то пять дней! А запомнились навсегда...

Зоя почти дошла до метро, почувствовала, как замерзла, но ледяными негнущимися пальцами открыла пудреницу и припудрила красные веки. Надо держать лицо. Надо держать спину. Надо вообще держаться.

Что поделаешь – такая вот жизнь. «Ну, не дает она мне расслабиться, – горько подумала Зоя. – Сволочи все, предатели! И тот, первый, бывший. И этот... Миша мой малахольный. Ладно, все! У меня, между прочим, нет никакого несчастья! Никакого горя, слава богу, нет! У меня есть семья – муж, дочь. Пусть не самые... А у других – куда хуже! И скоро будет и внук! Или внучка – какая разница, господи... Нет, лучше внук! Этот хоть в подоле не принесет! А с девками... ненадежно как-то. Но я выдюжу, не беспокойтесь! Выдюжу, да.

Только... Господи, помоги!» – Она громко хлюпнула носом и вошла в вагон.

* * *

Таня пребывала в странном состоянии – абсолютного покоя и счастья. Ей нравилось все, что с ней происходило: подташнивание по утрам, постоянное желание соленого, а после – сладкого. Словом, все по науке. Бегала в овощной по два раза на дню – хотелось то помидоров соленых, то огурцов, то квашеной капусты. Огурцы были огромные, мягкие, мятые, похожие на кабачки. Она их разрезала вдоль, и из них вытекал соленый сок, который она тут же с громким звуком втягивала в себя. От зеленых помидоров ломило зубы. Капуста, правда, напоминала старые тряпки и пахла не очень. А больше ничего не хотелось.

Миша посмеивался над ней и тоже хватал кусок огурца, но тут же морщился.

Мама смотрела на это с нескрываемой брезгливостью:

– Господи, гадость какая!

А капусту просто спустила в помойку со словами: «Ты хоть знаешь, как ее делают?» – и на следующий день принесла капусту с рынка – тонко нарезанную, вперемешку с ярко-оранжевой морковью. Таня хватала ее руками, и сок тек по локтям: «Спасибо, мам! То, что надо!»

Мама хмыкала и молча кивала, тем самым выражая свое отношение с болезненному вопросу.

Впрочем, вопросов уже и не было, все – и, главное, мама – наконец поняли: бесполезно! По утрам она варила Тане манную кашу:

– Ешь, я сказала!

Таня вздыхала и ела – это и был ее небольшой компромисс, уступка, так сказать: пусть мама утешится хотя бы кашей.

Казалось, Зоя Андреевна уже успокоилась и занялась обычными хлопотами – точнее, не совсем, конечно, обычными, но... Будучи женщиной деятельной, по вечерам она звонила Лоре Петровне и советовалась, что-то выясняла, переспрашивая и уточняя.

Лора Петровна была терпелива.

Миша и Таня переглядывались и усмехались. Мир, казалось, был восстановлен. А может, все делали вид.

Была еще пара – не больше – попыток со стороны мамы разузнать правду:

– Скажи мне хотя бы, кто он? Я что, не имею права еще и на это? Просто скажи! Никаких действий не будет, я тебе обещаю! Я же должна знать, в конце концов, от кого будет мой внук?

– От человека, – коротко и оскорбительно, по мнению мамы, отвечала Таня. – Какая разница? От че-ло-ве-ка!

Мама швыряла нож или ложку и, громко всхлипнув, уходила к себе.

К бабушке Оле Таня ехать боялась. Точнее, не так – стеснялась. Но пришлось: приближались ее именины, которые та отмечала всегда – уважала больше, чем дни рождения. Никто, правда, Таню не вынуждал – отец по-прежнему не звонил, а маму посещения бывшей свекрови волновали не очень – такие мысли в голове, знаете ли... мозги кипят! Про бывшую свекровь она не вспоминала – хватало и действующей. Тоже не сахар.

Правда, увидев в прихожей дочь, надевающую пальто, с испугом спросила:

– Господи, куда это ты собралась?

Таня ответила коротко:

- На Сокол.

Было и так понятно, без уточнений.

И мама тут же скорчила гримасу:

- Понятно! Куда же еще? Больше ж некуда!

Читай: «А кто тебя, дуру, еще ждет, кроме бабки? Я уж решила, что... Может быть... ха! Сама себя насмешила».

У метро Таня купила три желтые гвоздики и торт-мороженое. Помедлила, прежде чем нажать на дверной звонок, и, глубоко выдохнув, позвонила.

Вид у бабушки Оли был нехороший. Опухшие глаза, небрежно прибранные волосы. Но - нарядная, на выход, белая блузка с брошкой-камеей, туфли вместо домашних тапочек и легкий аромат духов «Сирень».

Она чуть улыбнулась, увидев внучку, и сказала:

- Что стоишь? В первый раз?

Таня разделась и прошла в комнату. Стол был накрыт как всегда: белая накрахмаленная скатерть, хрустальные стопочки под наливку, плошки с салатами и блюдо с пирожками - малюсенькими, румяными красавцами - бабушкин бренд и гордость.

- Руки вымой, - коротко бросила именинница.

Таня послушно кивнула и пошла в ванную.

Вернувшись, она увидела, что в двух рюмках - своей и бабушкиной - наливка.

- Мне... можно? - спросила Таня.

Бабушка внимательно посмотрела на нее.

- Не повредит, Таня! Тут спирта-то - смешно говорить! Вишня одна! Да и всего - граммов двадцать!

Одним махом Таня глотнула наливку и вдруг расплакалась:

- Ты уж прости меня, ба! Ну, что так получилось!

- Салатик будешь? - проговорила вместо ответа бабушка. - Вот этот, с рыбкой, твой любимый?

Таня кивнула.

- Ну, уж как вышло! - спокойно продолжила бабушка. - Ты же теперь сама своей судьбе хозяйка! Да и ребеночек... Как ни крути, все же счастье! Вот у Жени, отца твоего... - Она вздохнула. - Нет там ребенка - и что хорошего? Не может Лиля эта родить. Наверное, бурная молодость.

Таня молчала. Во-первых, теперь она окончательно поняла, что новую жену папы бабушка так и не приняла. Во-вторых - развод не одобрила.

А в-третьих... В-третьих, это были первые слова поддержки - Миша не в счет. Бабушка ее поддержала! По крайней мере, открыто не осудила.

- Как у тебя с мамой? - поинтересовалась бабушка Оля.

Таня хмыкнула:

- Да так... никак, в общем!

Хотела еще что-то добавить, но бабушка ее перебила:

- Не осуждай! Ей сейчас труднее всего. Только смогла от развода опомниться - а тут ты, нате вам, новость! Муж молодой, с деньгами не очень. И все на ней, Зое! Было и есть! А главное - будет.

Таня спорить с бабушкой не решилась.

В ту ночь она осталась на Соколе – на улице лил сильный дождь, рвал окна ветер, мама уговорила ее не ехать домой.

В детстве Таня любила ночевать у бабушки – в маленькой квартирке было тесновато, но уютно и очень родно.

Спали они с бабушкой на одной кровати – Таня у стенки, бабушка с краю. На стене висел коврик с оленями – оленья семья торопилась на водопой. Таня обожала разглядывать дружную семейку и придумывала имена оленьей родне. А больше всех любила самого маленького олешку – Кешу, так она его назвала. Пока бабушка мыла посуду, она шепотом с ним разговаривала, рассказывала ему сказки и гладила по узкой спинке.

Позже, став подростком, Таня ночевать не оставалась: не хотела смущать бабушку – куда теперь им вместе в кровать? Взрослая девица, дылда такая.

Теперь, смущаясь, Таня вжалась в стену, чтобы высвободить бабушке место. Отвернулась и посмотрела на коврик. Там, в оленьем лесу, на берегу шустрой речки, все было так же – стройным рядком, во главе с оленем-отцом, семья шла на водопой. Только самый маленький и резвый олешек обогнал отца и мать, торопясь прийти первым.

«Везет тебе, – подумала Таня. – Ты все такой же маленький и беззаботный! А я – я уже выросла! И забот у меня... Ты даже не представляешь, каких и сколько! Так что прощай». Таня вздохнула, закрыла глаза и заплакала.

Проснулась она среди ночи и испугалась – бабушки рядом не было. Она вскочила с постели и увидела, что бабушка спит в кресле – маленькая, худенькая, словно ребенок, склонив голову набок и чуть приоткрыв рот.

Таня вскочила, подбежала к ней и затрясла ее за плечо.

Та испуганно открыла глаза.

– Что ты, девочка? Что-то случилось?

А Таня, осев на пол, горько расплакалась.

– Как же я вас... всех! Что я наделала, бабушка?

Бабушка гладила ее по голове и повторяла:

– Что поделать, Танюш! Значит, такая судьба! Может, все еще сложится... Да ты не реви – столько еще впереди – слез не хватит. На счастье и горести...

Пригодятся! А ребеночек – это всегда радость, Таня! Пусть даже так, в таких обстоятельствах.

Жизнь продолжалась. Таня ходила в институт, сдавала сессии, и к лету у нее уже образовался вполне приличный животик. Однокурсники поглядывали на нее с интересом, но вопросов не задавали. Лишь однажды бесцеремонная староста группы, уставившись на Танин живот, громко, по-бабьи охнул:

– Светлова! А ты не беременная часом? – И тут же добавила, всплеснув руками: – Ну, ты даешь! И все молчком, молчком! Особнячком!

Все моментально оторвались от своих дел и уставились на Таню. Точнее – на ее живот. В аудитории повисла тишина.

Пашу она изредка встречала то в столовой, то в коридорах. Казалось, он ее и вовсе не замечал, а если и замечал, то делал вид, что они незнакомы.

Однажды Таня увидела, как он приобнял за плечи девицу с соседнего потока и что-то жарко нашептывал ей на ухо. Таня смутилась, словно увидела непристойность, и отвела взгляд. И еще удивилась – это ее совсем не задело.

После летней сессии снова собрался семейный совет, точнее, собрался условно – мама с Мишей шептались на кухне, потом раздраженная мама бежала к телефону и хватала трубку, чтобы позвать папу. Когда к телефону подходила Лиля, мама нервным, но твердым голосом требовала к телефону «Евгения Сергеевича».

А однажды Таня услышала:

– Что, опять? Как ты вообще все это терпишь? Лечить ее надо, господи! Хочешь, я позвоню Лоре Петровне? У нее же все специалисты в записной книжке! Даже такие «узкие»!

Таня ничего не поняла и удивилась – о ком это мама?

Звонила Зоя Андреевна и бывшей свекрови – все по тому же поводу: куда отправить Таню на каникулы.

Лето обещало быть жарким и душным, мама настаивала на «срочной эвакуации».

Папа ничего толком не предлагал, кроме генеральской дачи. Но это было тут же решительно отвергнуто мамой:

– Видеть все это? Ну ты совсем обалдел! Нет, ты решительно потерял разум! – пафосно объявляла она и шмякала громко трубку.

И тут же шла к Мише – жаловаться и возмущаться.

Миша, как всегда, с неохотой отрывался от дел и послушно кивал.

Наконец все разрешилось – было решено отправить Таню в Эстонию, к родне бабушки Оли. Там, на хуторе Виси, ей предстояло провести два последних месяца перед родами.

Ехать не хотелось – чужие люди, малознакомые. Но мама настояла, терпеливо перечисляя достоинства отдыха и убеждая Таню в его абсолютной необходимости.

– Свежий воздух – раз. Парное молоко – два. Свои продукты – от творога и сметаны до мяса и яиц. Ну, и третье – тишина и покой! Подумай о ребенке! – кричала мама. – Хотя такая эгоистка, как ты, только о себе и умеет думать! – Дыхание у нее перехватывало, и она снова припоминала обиды на дочь и на жизнь.

Двадцатого июня Таня уезжала. На вокзал ее отвозил папа. Ехали молча, никаких разговоров.

Папа был бледен, явно расстроен и раздражен.

У вагона, прощаясь, Таня коснулась его руки:

– Прости меня, пап!

Он сморщился и досадливо махнул рукой:

– Да при чем тут ты, дочь! – Неловко чмокнул ее в щеку и помог войти в вагон. – Иди, Таня! Иди!

Поезд медленно пополз вдоль платформы, и она увидела, как отец медленно, стариковской походкой, шаркая, бредет по перрону опустив голову.

В Нарве ее встречали тетя Лиза, младшая сестра бабушки, и ее сын Арво. Лиза была немолодой и какой-то замученной – сморщенное, стертое лицо, корявые руки. Длинная темная юбка и растянутая кофта на пуговицах. На ногах – простые, в рубчик, чулки и грубые мужские ботинки.

Арво оказался бледным немолодым мужчиной в кирзовых сапогах, потертом выцветшем пиджаке и помятой кепчонке. На лице его застыли странные, прозрачные, светлые и безразличные, словно пустые глаза.

Казалось, что они, Лиза и Арво, не мать с сыном, а ровесники, брат и сестра.

До хутора ехали на стареньком, дребезжащем «Запорожце». Молчали. Тетка Лиза косилась на Танин живот, но вопросов не задавала.

Только за обедом подняла на Таню светлые и равнодушные глаза и наконец спросила:

– Как там Ольга?

Хутор оказался красивым – небольшой кирпичный дом с черепичной крышей стоял на светлой, идеально круглой поляне в окружении густого, темного елового леса.

За домом находился старый, но крепкий хлев с приличным хозяйством – тремя коровами, козами и целым выводком гусей и уток – птицу растили на продажу, а коров держали молочных. Сами делали творог, сметану и масло. По субботам ездили в город на рынок – продавать.

Мать и ее странный сын трудились от зари и до позднего вечера, давая себе лишь несколько часов передышки – на еду и короткий, получасовой, дневной сон. Работали и жили они молча, перебрасываясь словами лишь коротко и по делу.

Таню это вполне устраивало – вести разговоры ей не хотелось. Вставала она поздно, часам к одиннадцати, завтракала еще теплым, с пенкой, молоком и только что отжатым чуть сладковатым творогом и шла гулять. Шла медленно вдоль опушки леса – ребенок быстрее идти не давал. Присаживалась на пеньки – отдыхать. И так же медленно возвращалась домой.

Обедали вместе – простой суп с картошкой и крупой, отварная курица, или снова картошка, или каша.

После обеда Таня спала. Теперь она очень много спала – проспять могла целый день, и все было ей лениво.

Книг на хуторе, естественно, не было – скука невыносимая. Оставались газеты – ветхие и пожелтевшие, свалены они были на чердаке для всяких хозяйственных нужд – например, ими перекладывали банки с молоком и сметаной – в дорогу.

Таня стряхивала с них пыль и пробовала читать. Кое-что попадалось интересное – например, газета «Вечерний Таллин» за семидесятые и шестидесятые годы. Остальные газеты были на эстонском. Еще на чердаке были обнаружены журналы «Здоровье» и «Крестьянка» – вот тут Таня еще и посмеялась.

Лето, как ни странно, выдалось жарким – Арво часто ходил на озеро. Однажды позвал с собой Таню. Но Лиза прикрикнула на сына:

- Какое ей озеро, спятил? Ей ведь рожать через три месяца!

Жили они совершенно уединенно – ни гостей, ни родни. Лизина родня осталась в Москве, да и та заметно поредела – бабушка Оля, двоюродная сестра и старая тетушка в Питере.

Родня мужа-эстонца? О ней Лиза отзывалась сдержанно: «Да есть – как не быть». Правда, однажды Арво уехал. Лиза бросила скупно:

- Поехал к родне по отцу.

Все. Больше ни слова.

Спать хозяева отправлялись рано, в восемь часов – в четыре вставать на первую дойку. А в пятницу к вечеру начинались основная работа и суета – в субботу, в пять утра, мать и сын отправлялись на базар торговать.

В старенький «Запорожец» укладывались тазики с творогом, бруски желтого масла, завернутые в льняную белоснежную тряпицу, яйца в корзине и битая птица в деревянном ящике, обложенном свежей крапивой. На полу устанавливались трехлитровые банки молока, перетянутые на «животе» черной широкой резинкой от старых шин – чтоб не треснули и не разбились, – и банки со сметаной, обернутые старыми газетами.

Лиза садилась на переднее сиденье, крепко ухватив корзину с яйцами.

Возвращались к вечеру – усталые и довольные. После ужина садились «считать барыши», как говорила Лиза.

Считала Лиза, а Арво сидел напротив и внимательно следил за ее руками.

Таня всегда выходила – чужие доходы ее не интересовали.

Слышала мельком – пересчитав деньги, Лиза коротко бросала «хорошо». Или «плохо». В зависимости от удачи.

Как-то раз, когда Арво опять уехал к родне, а Лиза вязала, сидя у камина, – за окном был сильный дождь с грозой. Тут-то тетушку и потянуло на разговоры.

Лиза рассказывала, что с родней покойного мужа она почти не знается – не смогли ей простить, что она увела Лейдо от эстонской невесты. Лиза усмехнулась:

– А я и не знала! Ну, не хотели они русскую – я понимаю. Не хотели городскую – тоже понятно. Думали, что не справлюсь. Свекровь так презрительно хмыкнула, увидев меня, – мол, ты кого, сынок, привез? Доходягу такую! А я и вправду была доходягой – тощая, мелкая, червяк, а не баба, – засмеялась она. – А хозяйство большое, правда. – Лиза вздохнула. – Русскую не хотели – своя всегда ближе, ведь так? К тому же русские их раскулачили – все отобрали: скотину, дом. Дом потом сожгли. Деда с бабкой угнали в Сибирь – за что им любить советскую власть?

Таня кивнула. Коротко она знала историю Лизы – бабушкина сестра, гостившая у тетушки в Ленинграде, познакомилась с эстонским парнем, и завязался роман – писали друг другу письма и мечтали о встрече. Года через полтора, когда письма стали редкими и Лиза уже почти позабыла о белобрысом эстонце и даже почти закрутила новый роман (с москвичом-студентом, чему все были несказанно рады – ну, наконец!), в столице и появился старый знакомец. Они встретились – на свидание Лиза пошла с неохотой, но и отказаться было неловко. Погуляли по городу, сходили в кино, съездили на ВДНХ – и понеслось. Лиза поняла, что именно он, этот молчаливый и спокойный парень по имени Лейдо, и есть ее судьба.

В семье, как говорила бабушка Оля, был жуткий переполох: эстонец, к тому же деревенский. Совсем, уж простите, чужой. А Лиза ведь подавала надежды! Рисовала прекрасно – все прочили ей хорошее будущее. Комната на Самотеке – чем плохо? Отговаривали ее как могли: «Что ждет тебя там? Вдали от семьи и родных, в глухой деревне – ладно бы в городе!» Но отговорить не смогли – Лиза и Лейдо уехали. Свадьбу сыграли там же, в Эстонии. На свадьбу приехала только старшая сестра Ольга. Лиза всегда это помнила и всю жизнь была ей благодарна – только Ольга ее поддержала.

И началась трудовая сельская жизнь. Трудная жизнь, непростая. Бабушка Оля рассказывала, что новая Лизина родня оказалась хорошей, трудолюбивой. Но людьми они были сдержанными и довольно прохладными. А Лейдо Лизу очень

любил, что говорить.

Деревенский быт был сложным – особенно для городской девчонки, не привыкшей к тяжелому и однообразному крестьянскому труду. Но Лиза прижилась. В Москву приезжала редко – дома крепко держали дела. Да и семья была недовольна – куда собралась, а тут за тебя кто?

Лиза приезжала ненадолго: повидается, прикупит гостинцы – и поскорее домой!

А спустя пару лет и вовсе ездить перестала – родился сын Арво, не до поездок и не до гостей. Пару раз к ней ездила сестра Ольга, но потом перестала – тоже жизнь закрутила. Да и расстраивалась она, глядя на младшую сестру, – тяжелой жизнью жили на хуторе. Вечный труд от зари до зари – ничего больше Лиза не видела. Правда, жизнь была сытой. С мужем жили неплохо, но Лейдо умер рано, совсем молодым, и Лиза осталась одна. В Москву не вернулась, хотя Ольга уговаривала ее. Отписалась коротко: «Теперь мой дом здесь».

Сестры писали друг другу нечасто и скупно – отчитывались о детях и семье, докладывали про новости и здоровье.

Таня помнила – бабушка Оля всегда этих коротеньких писем ждала. И продолжала Лизу жалеть.

Как-то обмолвилась о Лизинем сыне – не все в порядке у него в голове. Таня тогда внимания на это не обратила – какая-то Лиза, какой-то сын – ни разу его не видела, что интересного?

И еще вспомнила, как бабушка сказала, что у Лизы куча денег – зачем они ей? Никуда ведь не ездят, нигде не бывают. Живут бирюками на хуторе, и все.

Сейчас, сидя у камина, Лиза вязала сыну свитер и находилась в прекрасном настроении – ей было охота поболтать.

Ненароком спросила:

– А этот, ну, папаша? – кивнула на Танин живот. – Совсем знаться не хочет?

- А он и не в курсе, - спокойно ответила Таня, - да и зачем?

Лиза кивнула:

- Ну, раз уж так...

В глазах ее Таня увидела абсолютную покорность и смиренность судьбе.

Вдруг Лиза подняла на Таню глаза, отложила вязанье и, помолчав пару минут, вдруг сказала:

- А ты... выходи за моего парня, Таня! За Арво! И оставайся тут, у нас. С ребеночком я тебе помогу - я ж двужильная! Воздух здесь, тишина. Хорошо ему будет, ребеночку! И вам хорошо - и ты при муже, и он при жене! Он у меня странный - ты видишь, - но неплохой. Не пьет, не дерется - просто чудной. И ребеночка твоего примет! И даже полюбит - я его знаю. А то мы здесь совсем бирюками стали. А ребеночек - это жизнь! Да и не чужой он нам - родня!

Таня так удивилась, что не сразу нашлась, что ответить. Выдавила из себя какую-то чушь, типа, спасибо за честь, но... я уж как-то... сама. Вы уж простите.

Лиза спокойно продолжила:

- А зря! - И повторила: - И ты была бы замужем, и он при жене! И ребеночку здорово! А что чужой - ерунда! Зато и у меня будет внучок! - Она улыбнулась и снова повторила: - Он странный, да, мой Арво. Понимаю. С девицами не встречался, компаний всегда сторонился. Молчун - это да. Но человек неплохой.

В ту ночь Таня поняла, что очень хочет домой.

Арво приехал на следующий день, и Таня упросила его отвезти ее в город. Лиза вопросов не задавала.

- Ну, раз так, значит, так, - только и сказала она, поджав губы. Обиделась. Тане же было абсолютно все равно - скорее бы домой, скорее! Скорее к маме, к Мише, в свою комнату! Скорее к бабушке Оле, к папе и даже к Лиле - туда, где семья.

Ее семья.

Она обняла Лизу, и та всплакнула. Протянула Тане корзинку с маслом и яйцами – творог и сметана не доедут, а жаль!

По дороге в город молчали – Арво лишь изредка косился на Таню, но вопросов не задавал. Билет удалось поменять, и она осталась на вокзале ждать вечернего поезда.

Арво поставил у ее ног чемодан и коротко сказал:

– Ну, я поехал – дела.

Таня молча кивнула. Когда его худощавая фигура скрылась за тяжелой вокзальной дверью, она громко выдохнула: «Уф, слава богу! – И улыбнулась: – Ага, женишок! Сколько ему? Лет сорок, не меньше?»

В поезде она быстро уснула, подумав с радостью, что завтра днем уже будет дома, какое счастье, господи!

На вокзале взяла такси – хотелось поскорее очутиться дома и увидеть своих. Суббота, мама с Мишей должны быть дома.

Но дома никого не было. На кухне стояли чашки и тарелки от завтрака – странно, что чистюля мама их не вымыла и не убрала. Таня открыла холодильник и удивилась, что он был совершенно пуст – странное дело! На выходные всегда был обед и даже пирог – мама считала, что именно пирогом должно пахнуть в доме на выходных.

Таня сжевала черствую горбушку, выпила чаю и отправилась спать. Блаженно закрыв глаза, она подумала о том, как же прекрасно дома – родные запахи, родная кровать! А обо всем остальном она подумает... После.

Открыв глаза, она увидела, что на краю ее кровати сидит мама. Она плакала и выглядела измученной и несчастной.

Они обнялись, и Таня принялась объяснять причину своего несвоевременного и внезапного приезда.

– Сосватали меня, мам! – засмеялась она. – За родственника, можно сказать! Да еще и старого и слегка чокнутого! А ты говорила, что я теперь останусь одна!

Мама шутку не приняла, подробностей не уточнила, а только погладила Таню по волосам и тихо сказала:

– А мы ведь сегодня бабушку Олю похоронили, Таня!

Таня охнула, осела на диван и, неотрывно глядя на маму, принялась приговаривать:

– Да что ты, мам! Да как же так? Как это может быть? Нет, я не верю! – Таня рыдала и трясла головой. – Не верю, не верю!

Зоя Андреевна молчала и отводила глаза. Только обронила:

– Хорошо, что тебя не было здесь и все это прошло без тебя.

Таня винила себя – это она, она укоротила бабушкину жизнь. Это она довела ее до могилы. «Никогда не прощу себе, никогда», – шептала она и снова ревела.

Бабушка была человеком не просто родным, а самым близким, самым любимым.

Вспомнила, как бабушка спала в кресле, чтобы не беспокоить ее.

Тяжело было очень. Так тяжело бывает, когда к страшной потере примешивается жгучее чувство непомерной вины.

Но мама сказала строго и твердо:

– Все, закончили! Бабушку уже не вернуть, а тебе надо еще родить здорового ребенка, господи! И за что это мне? Не понимаю... А ты прекращай реветь, а то выкинешь еще ненароком!

Безусловный рефлекс победил – Таня думала о ребенке, уговаривала себя и заставляла не реветь.

«Нельзя расстраиваться, – повторяла она, как мантру, – это может ему навредить!»

* * *

Ходить стало совсем тяжело. Мама договаривалась с Лорой Петровной о родах. Вздыхала, что «все стоит денег». Тане было снова неловко, а Миша успокаивал жену: «Ну и что? Заплатим, какие проблемы?»

От злости у мамы суживались глаза: «Ага, тебе никаких! Тебе – опять никаких!»

Однажды Таня осторожно спросила:

– А папа? Ну, может быть, он? В смысле – поможет?

Мама тут же завелась:

– Окстись! Папаша твой со своей алкоголичкой по больницам мотается. Ему как раз до тебя!

Вот тут и выяснилось, что Лиля серьезно больна. Как оказалось, эта болезнь наследственная – пила еще и ее мама, и муж генерал не мог с этим ничего сделать. Пил Лилин брат – Таня вспомнила висевший на даче портрет красавца: просто Дориан Грей, не иначе. Дориан Грей погиб – где-то на Кавказе, куда поехал с друзьями. Напился и утонул – ужасная смерть. Труп не нашли, и могила Дориана была условной.

– Так и спустили генеральское наследство, – подытожила мама. – Влип твой папаша по самые уши, но мне, знаешь ли, его совсем не жаль! – И мамины глаза вспыхнули ведьминским, злобным огнем.

«Любит его, – подумала Таня. – По-прежнему любит. А Мишу? Миша раздражает ее, это очевидно. Всем раздражает – и видом своим в том числе. Как ест, как

плет, как сидит. Правда, не факт, что сам Миша замечает все это – Мише вся бытовая сторона жизни до фонаря.

С папой мама ругалась. Много ругалась – особенно перед разводом. Но – там были чувства! Мама злилась, обижалась, но презрения и раздражения не было точно!

А теперь? Что получилось? Папа мается с пьющей женой. Мама постоянно на взводе. Хороший человек Миша болтается у нее под ногами и злит ее, злит... И я добавила всем. А все ведь – хорошие, милые люди, честные, интеллигентные. И – несчастные все.

Почему так бездарно устроена жизнь? И почему ничего не повернуть вспять? Ведь казалось бы – как это просто! Маме и папе снова сойтись. Да, наломали дров, бывает! Но в жизни ведь все можно изменить и исправить! Ведь так?

Нет – получалось, что нет. И нечего тут разбираться! Ничего изменить нельзя. Точка, все».

В институте оформили академ – снова мама носилась, хлопотала, билась и с укоризной смотрела на дочь.

А однажды Таня увидела, как мама застыла с прямой спиной на стуле – просто мумия египетская, а не живой человек.

– У тебя что-то болит? – испугалась она.

Мама, очнувшись, подняла на нее глаза.

– Болит? – равнодушно переспросила она. – Ага, болит. Душа, Таня. Устала я очень. Просто сил больше нет. А впереди еще столько...

Таня подошла к ней, и они обнялись. Казалось, что впервые за последние месяцы и даже годы они стали так невозможно близки в эти минуты – две женщины, понявшие и пожалевшие наконец друг друга.

Таня заплакала, а мама, взъерошив ей волосы, улыбнулась:

– Справимся, девочка моя! Обязательно справимся! А куда нам деваться?

Правда, улыбка получилась неловкой и жалкой...

* * *

Роды начались рано утром, с субботы на воскресенье. Мама как заполошная бегала по квартире и названивала Лоре Петровне.

– А что я могу поделывать? – оправдывалась она. – Да, в выходные! Почему – все? Почему «как всегда»? Ну так получилось! Уж извини! Знаешь ли, этим не я распоряжаюсь!

Лора Петровна все же приехала – Таню к этому времени уже оформили, переодели и повезли на каталке в родилку.

Боли пока еще были терпимы, но схватки учащались и ужесточались. Мама хватала ее за руки и умоляла «не волноваться». Таня заплакала, от страха и одиночества, мамино лицо осталось в памяти навсегда – худенькая фигурка в дверном проеме с двумя поднятыми пальцами, средним и указательным, – виктория, знак победы. Мамины глаза, полные страха и боли. Жалкая улыбка – для поддержания духа. Мама... Боец и борец!

Лора Петровна ощупала Танин живот, нахмурилась и наклонилась:

– А ты как думала? Здесь шутки не шутят!

Таня вздрогнула и испугалась.

Запомнилось навсегда – холодное и красивое лицо гинекологини, белый локон волос, выпадающий из-под зеленого колпачка, крупные сережки с ярким зеленым камнем – наверное, изумрудом – и холодные, холеные руки, очень красивые руки.

И последняя мысль: «Зачем она так? Ведь все же мамина подруга».

А дальше началась такая нестерпимая боль, что больше ни о чем не думалось. Ни о чем.

Наконец, когда Таня от боли почти теряла сознание, Лора Петровна погладила ее по лбу – ничего, девочка! Осталось чуть-чуть! Набралась терпения – и ...!

Скоро и вправду схватки закончились и перешли в потуги – это было тоже несладко, но нестерпимая боль отошла.

После требовательного крика акушерки: «Тужься, тужься, ленивица! Ее еще уговаривать надо!» – Таня заплакала:

– Просто сил совсем нет.

Акушерка усмехнулась:

– Сил у нее нет, вы посмотрите!

А потом будто смилостивилась:

– А сил еще надо знаешь сколько? Все только началось, моя милая! Будешь еще роды вспоминать как прогулку! Детки знаешь как дают прикурить? Вот ты, например! Мамку небось не спросила?

И в эту минуту Тане показалось, будто из нее что-то вылетело – стремительно, пулей. Так оно и было, собственно. И через пару минут она услышала легкий и звонкий шлепок и тихий, почти неслышный, мышинный писк.

Акушерка засмеялась и поднесла к ее лицу младенца:

– Ну, кого родила? Отвечай!

Таня увидела красное мокрое тельце, покрытое чем-то склизким, и еще – признак принадлежности к мужскому полу.

– Мальчика, – прошептала она, чувствуя себя абсолютно бессильной, невероятно усталой и опустошенной. И еще – очень счастливой.

А потом были холодный коридор – дуло из окон – и бесконечное ожидание – когда? Когда наконец отвезут в палату? Когда она сможет укрыться одеялом, выпить горячего чаю и рассмотреть своего дитеныша?

В палате, слава богу, было тепло. На кроватях лежали еще две «мамочки» – так теперь их называли.

Одна, рыжая и конопатая Алевтина, тут же начала ухаживать за Таней – укрывать вторым одеялом, взбивать подушку, наливать чай. Она была простой и бесхитростной – сыпала вопросами и бесконечно болтала. Родила два дня назад и сил уже набралась.

Вторая мамочка лежала, отвернувшись к стене. Тане была видна ее упругая и толстая, слегка растрепанная коса.

Казалось, женщина была ко всему безучастна.

– Переживает! – шепнула Тане Алевтина. – Третья девка, ты представляешь? А муж сказал твердо – будешь рожать до пацана! Хочет хлопца до невозможности! Говорит, девки – это вообще ерунда! Нет, как тебе? Ты представляешь? Чистый козел, ты согласна?

Таня кивнула – очень хотелось, чтобы хлопотливая Алевтина отстала. Очень хотелось спать.

Мальчика, ее сына, привезли рано утром.

Веселая медсестра положила его на подушку и радостно сказала:

– Ну, знакомьтесь, мамочка! И приступайте к делу!

Таня привстала на локте. Перед ней лежал ее сын. Крошечный, сморщенный, желто-красный и... совсем некрасивый!

Алевтина, ловко пристроивши своего младенца к груди, рассмеялась:

- Да все они такие! Как китайцы, ага! Да не волнуйся! Еще в такого красавца вырастет!

Женщина с косой, Тамара, вяло повернулась и со вздохом приложила дочку к груди. На ребенка она не смотрела.

Сухие и тонкие губы были плотно сжаты. В разговорах она не участвовала - была ко всему равнодушна.

Алевтина, нахмурившись, бросила:

- А кто-то вообще не может родить! Мечтает, а не получается! Бьется, старается, лечится. А все никак! А некоторые - она замолчала и с осуждением посмотрела на соседку, - а некоторые все про своих козлов думают! Как бы им угодить! И счастья своего не понимают! Дуры потому что. - И она в упор посмотрела на Таню, ожидая от нее поддержки.

Таня растерялась, но осторожно кивнула.

Мальчик, ее сын, и не думал просыпаться - на его крошечном личике то и дело появлялись смешные гримасы - он морщил лобик, сводил еле заметные белесые бровки, кривил ротик, собираясь заплакать.

Алевтина, видя соседкину неловкость, со вздохом отложила своего сына и подошла к Тане.

- Буди! - приказала она. - Трепли за щеку и буди! А не то унесут голодного, сама понимаешь!

Таня действительно потрепала мальчика за щеку, и он, словно обидевшись, тихо захныкал и приоткрыл рот. Алевтина ловко засунула ему Танин сосок, и мальчик - вот чудеса! - начал сначала осторожно, а потом все стремительней и сильнее жадно присасываться к груди.

Таня замерла от восторга и боли. И непонятно, что было сильнее и ярче – нестерпимая боль в соске или огромная, затопляющая ее всю, непостижимая радость – она впервые кормила своего сына! Они – впервые! – были единым целым! Они впервые слились, срослись и были неразделимы друг с другом. Казалось, никакая сила не может их растащить, разъединить, разлучить.

Этот восторг, это открытие так потрясло Таню, что в ту ночь она не смогла уснуть – смотрела на часы и считала минуты до следующей встречи с сыном. До новых открытий. И нового, ни с чем не сравнимого счастья.

Мама появилась в тот же день – Тане принесли передачу и длинное, на три страницы, письмо.

В письме были, конечно же, и поздравления, и восхищения, и бесконечные эмоции, и восторги. Но имелись и указания. Как беречь грудь – не дай бог, мастит. Как кормить младенца. Что есть самой. И бесконечные вопросы: не дует ли из окна? заходит ли Лора Петровна? не докучают ли соседки по палате? И еще много чего – мама есть мама.

Потом она стояла под окном, и рядом с ней стоял Миша – смущенный, неловкий, неуклюжий, словно медведь. Мама махала руками, что-то кричала, но Таня не слышала – четвертый этаж.

Папа приехал на следующий день и сокрушался, что «не взяли виноград и пирожные».

Алевтина засмеялась и махнула рукой:

– Мужики! Ни черта ведь не смыслят! Мой знаешь что приволок? Колбасы! Копченой, ну, как тебе? Совсем без мозгов! Еще бы сала припер!

Тамара, услышав все это, коротко и бурно расплакалась – ее муж в роддом не пришел.

Выписывали на пятый день. Алевтина уже выписалась, и на ее место положили «свеженькую» мамочку – немолодую женщину по имени Зина.

Зина родила «для себя», то есть без мужа.

– А чего ждать-то? – объяснила она. – Мне уже тридцать шесть – куда больше? Мужа нет и, скорее всего, не будет, – грустно констатировала она и тут же развеселилась: – Зато теперь дочка есть! И мне уже жить не так страшно! Дочка – это же счастье какое! Всегда будет при мне, не то что пацан! Эти ведь – гости в родительском доме! А дочка никуда не денется, всегда будет при мамке! Да, Том? – спросила наивная Зина соседку.

Тамара резко встала с кровати и вышла за дверь.

Таню встречало все семейство – мама с Мишей и папа с Лилей.

Лиля была бледная, похудевшая и очень тихая – никаких шуток и анекдотов.

А мама тут же схватила кулек с внуком и не выпускала его из рук.

Откинув покрывало, она долго и внимательно рассматривала младенца и наконец выдала – наш! Вылитый ты, Евгений! Уж и не знаю – хорошо это или плохо...

Все дружно засмеялись.

Дома был накрыт стол. Младенца уложили в Танину комнату и сели отмечать. Таня заметила, что папа отодвинул от Лили бутылку и рюмку. Та испуганно вздрогнула и опустила глаза. Мама и Миша переглянулись.

Потом Таню, конечно, все поздравляли и наконец стали обсуждать имя младенца. Все предлагали свое – особенно активничала мама. Даже Лиля вмешалась – предложила назвать мальчика Максимом – это модно.

Но Таня отвергла все варианты:

– Митька! – сказала она. – Его уже зовут Митька, вы уж простите!

– Самостоятельная, – хмыкнул папа. – И при чем тут Митька, вообще? Не нравится Андрей, в честь маминого отца, – пожалуйста! Хотя маму могла бы уважить! Но был еще и мой отец, между прочим! Сергей Николаевич. Или это тоже тебе не подходит?

Все замерли и посмотрели на Таню.

– Митька, – тихо, но внятно и решительно повторила она. – Он будет Митька. Точнее – он уже есть.

Все подняли рюмки.

А мама сказала:

– Ну как же... конечно! Таня у нас все решает сама! Таня есть Таня! Ну-ну! Посмотрим!

Из детской раздался писк – сын и внук требовал внимания.

– Митька! – вскрикнула мама и бросилась в детскую.

Таня

Маленький мой, родной! Какое же странное чувство – смотреть на тебя. Трогать твои пальчики, гладить спинку, нюхать твои ушки! Какое же странное чувство – осознавать, что ты мой! Мой, только мой и ничей больше! Мы с тобой – единое целое, сиамские близнецы, одна планета, один ум и сердце на двоих, один мир. И никто – слышишь, никто – не сможет нас с тобой отделить друг от друга. И запомни, пожалуйста, это навсегда!

И еще – мне, если честно, больше никто и не нужен. У мамы своя жизнь. У папы – своя. Нет, мы, конечно, по-прежнему семья, но они без меня проживут. И я без них тоже.

У мамы есть Миша. Она злится на него, раздражается. И все-таки, думаю, она его любит по-своему. И точно – привыкла. У папы есть Лиля. Он мучается с ней, тоже

злится, негодует и всякое другое, не очень приятное, да. Но он не уходит от нее, не бросает ее и «продолжает нести дальше свой крест», как говорит мама.

Миша хороший, Лиля – совсем неплохая. Лиля пропадет без папы. Миша без мамы. Они нуждаются друг в друге. А без меня все проживут.

Мне это не обидно – я уже взрослая, все понимаю. Но мне тоже всегда хотелось, чтобы кто-то так же остро нуждался во мне. Не мыслил без меня и дня. Чтобы я была так необходима кому-то – как вода или воздух!

И еще – мне всегда казалось, что я всем немножко мешаю.

Только тебе, сынок, я не могу помешать. Ты нуждаешься во мне, я тебе необходима!

И все снова потому, что у мамы есть Миша, у папы Лиля, а у меня – только ты! И нет для меня ничего важнее, чем твои чиханья, колики, опрелость на попке и сопельки по утрам!

Я прислушиваюсь к тебе ежеминутно – ко всем твоим звукам. Если тревожные – пугаюсь. Так страшно пугаюсь, что у меня останавливается сердце.

Присматриваюсь к твоим гримасам и выражению лица – если ты морщишься или хмуришься, мне опять страшно.

Я могу разглядывать тебя без усталости и утомления – и мне это всегда интересно!

Ты плачешь, а я беру тебя на руки, прижимаю к себе, напеваю тебе что-нибудь, хожу с тобой по комнате кругами и чувствую, как ты утихаешь. Ты согреваешься моим теплом, у тебя проходит животик, и сердечко начинает биться ровнее – ты засыпаешь.

А мне так сладко, хотя я не чувствую рук, и затекает спина, и хочется спать. Ах как хочется спать!

Просто невыносимо хочется спать...

И я кладу тебя осторожно и осторожно пристраиваюсь сбоку – мне снова не хочется с тобой разлучаться! Я смотрю на часы – время обеденное, да. Я кормящая мать, и мне нужно питаться – так говорит мама, а уж она-то знает про это все.

Мне нужно есть много, осторожно и калорийно – чтобы было хорошее молоко, чтобы его хватало. Все только полезное – не приведи бог того, что может тебе навредить! Например, капуста. Или огурец. Или – виноград, апельсин! Аллергия! Яблоко – только зеленое. Красное – ни-ни! Сладкое тоже нельзя – вдруг диатез? Мне нельзя ничего такого, что вредно тебе.

И мне это нравится! Хотя я – жуткая сладстена, жуткая!

Мама настаивает, что мне надо литрами пить чай с молоком! Лит-ра-ми! Улейся, а пей!

А я его ненавижу! Пожалуй, нет ничего такого, чего бы я не любила сильнее! Бр-р-р-р!

Но пью! Противно, конечно, только так нужно тебе! А значит, не обсуждается, точка.

Господи! Да что чай с молоком! Я бы... я бы змею без шкуры сжевала! Или – дохлую жабу, если тебе это было бы нужно.

Интересно – я такая одна? Мне иногда кажется, что у меня что-то с головой. Или – так у всех мамочек? Я не знаю. А спросить стесняюсь. Да и у кого? Мама надо мной посмеется – я уверена в этом. Мама вообще такая... Резкая и насмешливая. А больше спросить не у кого... Я бы спросила у бабушки Оли, но ее уже нет...

У Лили детей нет и, наверное, не будет. У папы и так есть ребенок, Лиля, куда ему еще? Ему непросто, но от человека же не отказываются, если он болен? Пусть даже такой нехорошей и стыдной болезнью.

Не у кого спросить. Да и неловко. Вдруг я и вправду – чудная, ненормальная?

Ладно, что об этом думать? Главное – что я счастлива! Абсолютно счастлива, впервые в жизни. У меня есть мой сынок.

Ох, только бы поспать, хотя бы немножко.

Но подменить меня некому: мама работает, готовит еду, ходит по магазинам, стирает и гладит. И еще убирает квартиру. Мы с Мишей, конечно, очень стараемся ей помочь. Но получается плохо, увы...

У Миши руки растут из «задницы», как говорит мама. Она только и просит его: «Ради бога, ни за что не берись! Мне потом отмывать, убирать и все прочее. Не усложняй мне жизнь!»

Миша делает вид, что обижается, но, мне кажется, он все же чертовски рад – тут же бросается к своим книгам и записям.

Я очень стараюсь, честно! Но то плачет Митька, то его надо кормить, то поменять пеленки, то уложить спать. То погулять. Можно и на балкон, но мама против балкона – а вдруг кто-то сверху сбросит окурки? Он засыпает, и мне хочется рухнуть мгновенно, тут же, рядом с ним, хоть на ковре. Но я иду чистить картошку или варить суп.

Мне очень хочется помочь маме, но картошка у меня выкипает и пригорает, суп я пересаливаю и забываю положить туда лук и морковь.

Мама приходит после работы и начинает кричать. Зачем? Зачем ты испортила продукты и оставила кучу грязной посуды?

Она, конечно, права – жизнь я ей не облегчила, а усложнила. Но я же старалась. Честно старалась!

Мама сидит в коридоре на пуфике и не может снять сапоги – так устала. Из сумки торчат батон, кусок мяса, кочан капусты и пакет молока. Тяжело. Миша возмущается, что она снова проигнорировала его помощь:

– Ну у метро я мог бы тебя встретить?

Мама сардонически усмехается:

- Ты? Ага, как в прошлый четверг! Сколько я у метро простояла? Забыл? Сорок минут! Продрогла, промокла. А ты? Ты опоздал! А я была душой, что стояла и ждала тебя!

Миша виновато вздыхает и убирается к себе.

Я расстегиваю молнию на маминых сапогах, хватаю сумку и тащу ее на кухню. Следом шаркает тапками мама. Оглядывает кухню критически.

- Таня! А посуду после обеда можно было помыть? А почему тарелка только от первого? Ты что, котлеты не ела?

Приходится признаться. Мама от обиды и усталости начинает плакать – думаю, это нервы.

Мама плачет и причитает:

- Для кого? Для кого я бегала за этим кретинским мясом? Для кого крутила этот дурацкий фарш? Для кого жарила эти идиотские котлеты, вместо того чтобы уйти спать пораньше? И прийти на работу не чучелом гороховым, а человеком и спе-ци-алис-том? Мне стыдно перед коллегами и перед начальством. Как работник, я полный ноль! Конечно, я сплю по два часа ночью!

Мне становится стыдно. Невыносимо стыдно. И жалко маму – все правильно, у нее три ребенка. Миша, я и Митька. Три никчемных, неприспособленных и растерянных дитяти. Ну Митьке положено, и это можно простить.

А эту жизнь я ей устроила, я! Она вырастила меня и почти выучила. Она хотела выдохнуть и наконец пожить для себя. А тут я... Я переломала ей планы, усложнила ей жизнь. Я сделала наш дом невыносимым. Все – я.

- Прости меня, мамочка! – Я начинаю реветь. Мама тоже хлюпает носом. Мы режем вместе, и нам, кажется, становится легче.

Но как только мы собираемся обняться, раздается Митькин крик, и я бросаюсь к нему.

Прости меня, мама!

Я все еще реву. Мне жалко всех – маму, себя. Почему-то Митьку. Сюда же – папу и Лилю. Мишу – неприкаянного.

Потом я вспоминаю бабушку Олю и продолжаю реветь с удвоенной силой.

Как-то все у нас получилось не так...

Из-за меня? Или началось все гораздо раньше? Когда папа завел Лилю и ушел из семьи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/proschal-naya-gastrol>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)